

18 июня Фомальгаут

Фанфаровый

фарфор

Мария Фомальгаут Фанфаровый фарфор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57338876

ISBN 9785005127655

Аннотация

...Луна, которая упала с неба на городскую площадь, разбилась на тысячи осколков, лежала вот таким расколотым циферблатом, и в каждом осколке вертелись стрелки часов, показывали одно и то же время. Если наклониться, можно было увидеть себя – но не настоящего себя, а себя в прошлом или в будущем, поэтому туда никто не заглядывал...

Содержание

Околица-околесица	5
Фанфаровый фарфор	7
Полощутся площади	9
На туманном холме	11
Как никто убил никого	23
Еще не написанный город	35
Свернувший влево	47
Там	47
Тут	52
Там	56
Там	57
Ддддо-о-о-о-о-о-о-о-о-ом-м-м-м-м-м-м-м	61
Живущий вправо	80
Инструкция к жизни	86
Как узнать город	91
Лошадь верхом на Луне	93
Ньюс	96
... что я больше не увижу...	103
Свидание с городом	105
Недопустимые	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Фанфаровый фарфор

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2020

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-2765-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Околица-околесица

Околица-околесица —
За нею в ночи пригрезится
Нечистая сила, черти и костяки,
Околица-околесица,
Туманы глядят невесело,
И прячут луну под замки и под замки,

Околица-околесица —
Кошмаров ночных навесила,
И гонит из леса к дому ночную тьму,
Околица-околесица —
Ни шторой ни занавеситься,
Ни выдержать, и ни спрятаться никому.

Околица-околесица —
Недолго ты куролесила,
Недолго тебе об ужасах говорить,
Околица-околесица —
Кончается ночи песенка,
Как только проснется сияние, свет зари.

Околица-околесица,
От полной луны до месяца
Такая беда, что хуже, чем, что сто смертей,

Околица-околесица
Отмолится, перебесится
И зорюшка-свет разгонит долой чертей.

Фанфаровый фарфор

Многоголосый хор,
Ветрам вечерним дорог,
Он оглашает площадь и бульвар,
Фанфаровый фарфор,
Фанфары из фарфора
Фигурно фанфаронят в свете фар.

Производя фурор
Своим крутым декором,
И поднимая музыку и пар,
Фанфаровый фарфор,
Фанфары из фарфора
Фигурно фанфаронят в свете фар.

Так нежен их узор,
Так хрупок стиль оборок,
Так трепетен и прост репертуар, —
Фанфаровый фарфор,
Фанфары из фарфора
Фигурно фанфаронят в свете фар.

Но вновь – как на подбор,
С неистовым задором
Ля, си, и до, ре, ми, и соль, и фа —

Фанфаровый фарфор,
Фанфары из фарфора
Фигурно фанфаронят в свете фар.

Полощутся площади

Повозки и лошади
Расставлены, листья разложены,
По улицам гулким катиться, кареты тащить,
Полощутся площади,
Полощутся – плоче и плоче,
Полощутся, кутаясь проще, плотнее в плащи.

И переполошены
Летают мечты тонкокожие,
Теряются в безднах небесных – поди-разыщи!
Полощутся площади,
Полощутся – плоче и плоче,
Полощутся, кутаясь проще, плотнее в плащи.

Ветрами взьерошены,
Стоят кипарисы скукоженно,
А что еще делать, дрожи на ветру, трепещи!
Полощутся площади,
Полощутся – плоче и плоче,
Полощутся, кутаясь проще, плотнее в плащи.

И с крыльями схожие,
Дома по углам не стреножены
Их в небо рвет ветер – неистов и неистошим,

Полощутся площади,
Полощутся – плоче и плоче,
Полощутся, кутаясь проще, плотнее в плащи.

На туманном холме

...все еще хватаюсь за остатки здравого смысла:

– Может, взрыв газа... Бывает такое...

– Да не скажите, там весь холм разворотило... и полдеревни впридачу... – Колдуэн недоверчиво смотрит на меня, как будто это я разнес полдеревни, делать мне больше нечего, полдеревни разносить.

Снова поеживаюсь, а ведь сейчас на меня все косо будут смотреть, еще как косо, слишком много отобрал у меня Брайтон, слишком сильно перешел дорогу, и дом достался ему, и Ребекка – ну, чмоки-чмоки, пока-пока – и это после пятилетних ухаживаний, и...

...и много чего и...

Не выдерживаю:

– Ну не будете же вы меня подозревать только потому, что Брайтон меня обскакал?

Колдуэн косится на меня:

– А с чего вы решили, что это именно Брайтон хотели на тот свет отослать?

– Ну, хозяин-то в доме...

– ...и что, что хозяин, в доме-то до хренища народу было, Самайн все-таки... гости, прислуга...

Не успеваю дослушать, мир обрывается, я снова оказываюсь в маленьком городке сто лет назад, отскакиваю с доро-

ги – даром, что по ней никто не едет, уже на всякий случай отскакиваю – прижимаюсь к стене.

Что мне нравится, – что провал находится ровнехонько сто лет назад, а не сто с половиной или еще как – а то пришлось бы мне повсеместно таскаться с зимним пальто и башмаками на меху, – на тот случай, если из июльского зноя меня швырнет в январскую стужу, вот так, одним махом. Бывало, конечно, что только что вокруг меня тепло и солнце, а там, в прошлом – промозглое утро после грозы и холод, пробирающий до костей, а куртку я дома оставил...

Так что тоже, конечно, всякое случается, но все-таки мне повезло. Прислушиваюсь к миру сто лет назад. Причувствываюсь. Понимаю, что на этот раз останусь здесь надолго, на целый вечер, а то и на ночь, – где-то оно и к лучшему, можно успокоиться, расслабиться, зайти в кафе, поужинать – обязательно медленно, не спеша, потом подняться по узкой винтовой лестнице в комнаты под самой крышей, где можно ходить только пригнувшись, и спать на пушистой перине, слушая стук дождя.

Расслабиться, говорю я себе.

Успокоиться.

Забыть обо всем, что творится там, через сто лет, где воронка на холме, на котором стоял замок, и раскуроченные дома, которым не повезло оказаться вблизи холма.

Я еще вспомню об этом.

Вот сейчас.

Когда я возвращаюсь на сто лет вперед, вернее, даже не так – когда реальность вышвыривает меня на сто лет вперед, я снова оказываюсь лицом к лицу с Колдуэном, с тем, что осталось от замка...

Хочу спросить про Ребекку.

Не спрашиваю.

С трудом выжимаю из себя:

– Я так понимаю... никто не выжил?

– Разумеется, – Колдуэн смотрит на воронку в земле, – другой вопрос, кто именно эти никто, тут даже костей не осталось... Так что надо будет справки навести, может, кого в доме не было в это время...

Колдуэн замирает, его взгляд проваливается куда-то в никуда, вижу странное блаженство на костлявом лице – на этот раз его очередь переноситься в какие-то другие времена. Я не спрашиваю его, что он видел там, там, – такие вопросы не принято задавать, если захочет, расскажет сам.

Следователь возвращается, смотрит на меня искоса, как будто хочет что-то мне сказать, но...

– ...хотите знать, где я был?

– Ну, если вас не затруднит мне ответить...

– ...в том времени вы женаты на Ребекке... и живете в замке на холме.

Вздрагиваю, не ожидал, так не ожидал...

Не выдерживаю. Спрашиваю:

– А... как давно мы там женаты?

– Право же, не знаю... Честное слово, обещаю вам, в следующий раз там буду, спрошу...

Бормочу какие-то вежливости, что вы, что вы, не стоит, в глубине души надеюсь, что он все-таки узнает.

Ребекка, говорю я себе.

Ребекка.

Ну, пожалуйста...

Пожалуйста...

– Ребекка, – говорит Колдуэн.

Я уже не спрашиваю, что Ребекка, почему Ребекка – уже догадываюсь.

Уже все понимаю.

Ребекка.

Там.

В замке.

В тот момент, когда...

– ...самое главное, понять никто не может, что было... это не газ, это не взрывчатка какая-нибудь, это... ученые говорят, такого в нашем мире вообще раньше никогда не было...

Молчу.

Ребекка, говорю я себе.

Ребекка.

– Это не из нашего мира что-то. Грохнуло там, на холме, что от замка одна воронка осталась...

Не выдерживаю:

– А что вы все ко мне-то ходите, я, что ли, по-вашему, что-то не из нашего мира приволок? Как вы это вообще себе представляете?

Колдуэн смотрит на меня с недоумением, похоже, я ляпнул что-то совсем и совсем не то...

– А я хотел вам про Ребекку рассказать...

Вздрагиваю:

– Она... все-таки... жива?

– Да нет... там... где я бываю... где вы женаты...

– ...что-то вы к ней охладели там... – говорил Колдуэн, я уже понимаю, где там.

– А что, случилось чего?

– Да нет... похоже, просто любовь остыла...

Сжимаю зубы, ненавижу себя того, который охладел, того, который где-то там, там, который не ценит то, что у него есть. Ненавижу Колдуэна, что это его мир, его, а не мой, он должен отдать его мне, потому что...

Просто.

Потому что.

– ...а ведь было уже такое, – говорит Колдуэн.

Я уже понимаю, что на этот раз Колдуэн говорит не про то время, где я и Ребекка, а про наше время, где я, а Ребекки нет, и не будет, страшные слова – нет, и не будет, я не хочу их повторять, не хочу, не хочу, не хочу...

– Было такое, – повторяет Колдуэн, – на Туманном Холме. Делаю вид, что начинаю что-то очень смутно припоминать.

– Вроде в позапрошлом году...

– ...в каком позапрошлом, десять лет назад!

– Вот черт, время-то как летит, а... все кажется, ну, двенадцатый год сейчас, ну, тринадцатый, но чтобы двадцать пятый...

– А мне все кажется, вам казаться должно, что вы сто лет назад живете...

Смеюсь:

– Ну, не-е-ет, это-то я различаю, где тогда, где сейчас...

– Так что вы видите в своем втором времени? – Колдуэн смотрит на меня в упор, пристально.

Поеживаюсь:

– Прошрое. На сто лет назад.

– Очень хорошо, прошрое... А что вы делаете в этом прошлом, позвольте узнать?

– Хожу, смотрю...

– ...вот так, значит, ходите и смотрите... и все?

– Ну а что мне там делать, это же на полчаса-час, не больше... Да и вообще в прошлом делать что-то, это дурная затея, еще поменяю там что-нибудь, на бабочку наступлю...

– Ну а вот в тот вечер, когда на холме рвануло, вы что делали? Там?

– На холме-то?

– Да не на холме, а там... в прошлом...

– Да как-то ничего особенного... как всегда все...

– А я вам скажу, что вы делали... зашли в лавку старьевщика, купили бусы... так, да?

– Ну... э... может быть... Бывает, мелочевку какую-нибудь покупаю, ну ход истории же от неё не сдвинется... А хоть бы и сдвинулся он там, в том мире, не наш же...

– Так вот то-то и оно, что наш...

Вздрагиваю, показываю почти неподдельное изумление:

– Да вы что... быть того не может... там...

– ...именно так... Бусы... чего ради вы вообще взялись покупать дамские бусы?

Чувствую, что краснею.

– Ребекке хотел подарок сделать... праздник все-таки, Самайн...

– Вы покупаете бусы... и выбрасываете их в мусорный бак...

– ...цепочка порвалась, или на чем они там были...

– Да нет же, вы её нарочно порвали...

Я даже не спрашиваю, откуда он это знает, я уже понимаю, они видели все, что я делаю, от начала до конца...

Сдаюсь:

– ...нарочно. Они же меня даже не пригласили, я уже понял, что я ей сто лет не нужен, и пропади она, и пропади они все...

Колдуэн недоверчиво косится на меня:

– А может, скажете, зачем вы на самом деле бусы купили?
Фыркаю:

– На себя надеть, конечно, и так ходить, зачем же еще...

– А я вам скажу, зачем, – фыркает Колдуэн, – потому что эти бусы через полчаса должна была купить матушка Брайтона...

– ...да вы что?

– ...и не делайте вид, что вы об этом первый раз слышите.

Сжимаю зубы.

Первый раз. Я вообще не знаю, как выглядит матушка Брайтона, ну видел пару раз, что ближе к вечеру женщина какая-то бусы эти покупала, ну подумаешь, проблема, другое что-нибудь купит, можно подумать, последние бусы были...

– Вы не могли не знать, что она их купит, вы же видели эти бусы в доме Брайтонов, Ребекка вам показывала...

Смеюсь.

– Вот тут вы и попались, Колдуэн. Я не мог видеть эти бусы в доме Брайтонов... Их просто не могло там быть...

– Отчего же?

– Очень просто... в тот же вечер она рассыпала бусы...

– Да? Вы видели это?

– Видел, собственными глазами, бусы рвутся, рассыпаются, как раз в тот момент, когда мимо пройдет отец Брайтона, вернее, будущий отец Брайтона, покатится на всех этих бусинах, свалится...

– ...так они и познакомились, верно?

– Я не...

...понимаю, что уже поздно отпираться, что я сказал уже многое, слишком многое...

– ...как тонко продумано... купить бусы... чтобы она их не рассыпала, чтобы они не встретились, чтобы Брайтона не было...

Делаю последнюю попытку. Отчаянную. Уже понимаю, что не сработает.

– Я откуда знал, что в тот самый мир проваливаюсь... в наш мир... Может, это какая-то параллельная реальность...

– Знали.

– Ну как я мог это знать, вы сами-то подумайте?

– Очень просто, вы уже делали это... то дерево на холме... на Туманном Холме..

– ...какое еще...

– ...вспышка на холме...

– ...метеорит...

– ...да нет, никакого метеорита там и близко не было... вот посмотрите фотографии холма... почему люди в жаркий день сидят здесь? Почему сидят здесь в дождь, а вокруг них сухо?

Начинаю догадываться:

– Здесь что-то было...

– ...дерево. Здесь было дерево. Дерево, которое появилось в тот самый год, сто лет назад, вернее, не появилось...

Вы догадались выдернуть росток, растоптать его, уничтожить... Чтобы дерево не появилось. Вы тщательно проверяли, что проваливаетесь именно в наше прошлое...

Молчу. Понимаю, что больше крыть нечем.

– ...вы хотели, чтобы Брайтон не родился... чтобы его не было... вы думали, что это будет просто, вот так просто, раз, – и нету, и никто про него и не вспомнит даже... И тогда вы женитесь на Ребекке, и в профессии будете номер первый, и дом будет ваш, и все-все... Вы только одного не учли...

– Чего?

Колдуэн фыркает:

– Про вакуумную бомбу слышали?

– Атом... э-э-э... не, про вакуумную не доводилось.

– А вот зря. Хоть понимаете, что будет, если вот что-то только что тут было – и исчезло?

– Вакуум?

– Верно говорите. И?

– Что и... ну... воздух туда устремится...

– И?

– Ну... ветер поднимется...

– Ветер... – Колдуэн смеется, мечется по костлявому лицу сетка морщин, – ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч... Рассчитать вам силу ударной волны, которая будет, если человек ни с того ни с сего исчезнет?

Отрицательно качаю головой.

Уже догадываюсь.

– ...а вы уже размечтались, как войдете в дом, который теперь будет принадлежать вам, как обнимете женщину, которая теперь будет вашей...?

Чувствую, что бледнею.

– Я... я все исправ...

– ...думаете?

– Ну конечно, что тут думать вообще, просто же все, дождаться, когда снова будет тот мир, и...

Колдуэн недобро посмеивается.

– Ну... ждите, ждите, что я могу сказать...

Жду. Что я могу еще сделать. Терпеливо ждать, когда снова будет то время, другое время, и я зайду в лавку, вернее, не зайду, и куплю бусы, вернее, не куплю, и бусы купит она, и рассыплет на перекрестке, и Брайтон-старший покатится на них и упадет, а дальше будут какие-то извинения, ой, простите, да что вы, это вы меня простите, а вы не ушиблись, нет-нет, да вы хромаете, да зайдите ко мне, давайте врача вызовем, нет-нет, не стоит, то есть, к вам, пожалуйста, а врача не надо, это он не скажет, это он подумает, а потом будет свадьба, а потом будет Брайтон...

Я жду.

Ничего не происходит.

Мир остается таким же, как был, другое время не приходит.

Как будто смеется надо мной...

Как никто убил никого

Вопрос:

Почему я его боюсь?

Без ответа.

Я не должен его бояться. Я не могу его бояться. Я могу расстрелять его в упор прямо здесь, прямо сейчас, – и ничего не будет.

Ничего не будет, говорю я себе.

Я не боюсь, говорю я себе.

Даже не смотрю, что утверждение ложное.

Я его боюсь.

Боюсь.

– Вы нам нужны, чтобы...

...тут же одергиваю себя, не с этого я начать должен, не с этого, а как у них положено – присаживайтесь, потом предложить ему кофе, – зачем это все, присаживайтесь, кофе, а ведь надо...

– Э-э-э... присаживайтесь.

– С-спасибо... – он растерянно оглядывается, что он ищет, что ищет, наконец, недовольно устраивается на полу, – понимаю, что я что-то сделал не так, понять бы еще, что именно.

– Извините, – говорю на всякий случай.

– Да ничего... ничего страшного...

Значит, все-таки виноват, думаю я про себя.

– Кофе?

– А, не... спасибо.

С трудом догадываюсь, что это отрицание, вытаскиваю из памяти какие-то нелепые конструкции да-нет-наверное-нет.

Наконец, приступаю:

– Вы нам нужны, чтобы понять...

Он кивает. Он с трудом поднимается с пола, он подходит ко мне, он готов понимать уже сейчас.

– Вот здесь... посмотрите по видеокамерам...

Вздрагивает.

– Это... это кто его так?

– Вот этого мы и не знаем, – тоже смотрю на распростертое тело в луже крови.

– А видеокамеры у вас на хрена присобачены?

При...

Приделаны...

Приколочены...

Присобачены...

– Ну... в смысле, они же висят для того, чтобы...

– Я вас понял, понял. Видеокамеры... посмотрите, с половины третьего до без четверти три, черный экран...

– ...так тряпкой какой-нибудь закрыли, вот и экран черный...

Тряпка.

Ткань.

Материя.

Черная тряпка.

Темная материя...

...нет, темная материя, это другое что...

– Так вы говорите...

– ...накрыли черной тряпкой, чтобы не видел никто, какая сволочь его угробила... а других камер не было?

– Н-нет...

– Вот это вы зря... Ну, теперь на других улицах надо камеры посмотреть, какие люди там ходили...

– То-то и оно, что никого не было.

– Гхм... – он смотрит на экран, – на суицид вообще не похоже, не может человек сам себе в спину выстрелить...

– Вам виднее.

– Точно вам говорю, тут еще кто-то был... Ну а двери какие-то были? Окна? Ну... не в воздухе же преступник растворился в самом-то деле, куда-то ушел...

– Но куда? Ни на одной из камер преступника нет.

Он смотрит на меня недоверчиво.

Добавляю:

– Я вам более того скажу: убитого тоже нет.

– В смысле, нет? Вот же он лежит... вот он...

– ...вот он. Но его нет.

Бледнеет.

– Я... я не понимаю.

Начинаю понимать, что я его переоценил, что напрасно сюда позвал, что ничегошеньки-ничего он не знает, ему не угнаться за нами, просто, никогда.

Говорю как можно вежливее:

– Б-большое спасибо. Мы с вами свяжемся. Обязательно...

Смотрю на него, понимаю, что он каким-то образом чувствует, что не свяжемся, черт возьми, как он это понял... как...

– ...смотрите, что я нашел-то!

Смотрю на него. Не понимаю. Какого черта. Я же ясно сказал ему, мы с вами свяжемся, когда-нибудь (никогда), какого черта он снова вламывается в комнату, какого...

– Смотрите, что я увидел-то... вот здесь... по камерам...

Не выдерживаю:

– Вы могли просто переслать мне видео.

– Так вы не ответили, вот я решил на всякий случай...

Меня передергивает. Что, интересно, я должен был отвечать...

– Так вот, смотрите... вот камера, которая на перекрестке висела, вот человек проходит, вы его рубашку видели?

– Видел.

– Ничего не заметили?

– Пятна...

– ...крови.

Не верю себе:

– Вы что... сделали анализ вещества по видео?

– Нет, ну логично же, вы сами-то подумайте, вот здесь вот, на другой камере, вот они заходят в переулок, оба, вот убитый, ну, еще не убитый, вот этот, второй... рубашка на нем чистая еще, вот кепка на голове... а вот здесь вот он кепкой камеру закрывает, а потом случилось что-то, а камера снова открывается, а мы видим вот уже убитый лежит... и вот на третьей камере убийца из переулка выходит, рубашка заляпана... ну кровью же, чем же еще, что там еще было?

– Вино... кетчуп...

– Не было у них с собой ни вина, ни еды никакой... так что все просто, вот уж не знаю, что вы так растерялись...

– Вижу, вы ничего не поняли.

Вздрагивает:

– Чего ничего не понял?

– Ничего не поняли. Здесь не было никакого убийцы. И убитого не было, понимаете?

– То есть... как это...

– Вы смотрели их данные?

– Да где мне такое увидеть...

– Вот то-то и оно... а посмотрите...

– Акиль Тахир, пятидесятого года рождения... это сейчас ему двадцать... было бы...

– Да нет, вы местонахождение-то посмотрите!

– Бангладеш... Скелет... тьфу, Скилхет... снова тьфу,

Силхет...

– И второго тоже посмотрите...

– Убейд Шафи...

– А где находится?

– Гхм... счас, счас... Бахрейн... Саар...

– Вот-вот. Вы вообще понимаете, что они не могли здесь быть? И уж тем более, не могли встретиться?

– Но... они же здесь...

– ...их не может быть здесь. Это какая-то ошибка... какой-то сбой... чипы показывают – Бангладеш, Бахрейн...

Он смеется. Я не понимаю, почему, зачем – он смеется, резко, отрывисто, я даже начинаю беспокоиться, не удушье ли это, а ведь похоже на приступ...

– Ой... ну вы даете... сами-то не догадываетесь, как все просто, что чипы там, а они здесь?

– Да как не может, когда...

Он еще что-то кричит – не слушаю, не слышу, вызываю подкрепление, смотрю, как его вытаскивают отсюда, орет, извивается, стихает только у выхода – ага, все-таки понял, кто здесь хозяин...

– На каком основании?

Это он спрашивает меня потом. После моего —

– Вы арестованы.

– На каком основании?

– Вы убили его.

– К-кого? Вы с этим поосторожнее, закон о клевете забыли?

– Который именно?

– Где написано, что за клевету в тюрьму сажают...

– Номер закона?

– Ох ты ж, черт... счас... двести двадцать четыре дробь семь.

– Никакой клеветы... вот... сами посмотрите... запись на видео...

– И что здесь?

– Ну как это, что? Вот же, вы убили человека... прохожего...

– Этого не может быть.

– Как, не может, вот же...

Он улыбается чему-то, непонятно, чему:

– Да вы сами посмотрите, данные этого прохожего посмотрите, а?

Смотрю данные. Терпеливо. Внимательно. Убейд Шафи... Бахрейн...

...спохватываюсь.

– Мы приносим вам извинения за беспокойство.

– Ну вот, то-то же... как я могу убить человека, которого здесь нет, который в Бахрейне живет? Вы хоть местоположение-то посмотрите, прежде чем в полицию волочить... Кто ж так работает...

...а что делать, если они сами не понимают ни черта, если не справляются, если только вот так... самому... а что делать, он та еще тварь, за какой-то там телефон парня угробил...

...мысли обрываются, дальше идут мысли про что-то другое, надо бы пожрать прикупить, и побольше, чтобы на выходных из дома вообще не выбираться, в такую погоду только запрятаться в свою нору и сидеть... Да и вообще эти мысли никто не читает, где это видано, мысли читать...

– Вы нам поможете.

Спохватываюсь, что опять все не то, все не так, сначала надо:

– Здравствуйтесь.

Потом:

– Присаживайтесь.

Он фыркает, садится на пол, скрещивает ноги. Понимаю, что опять что-то делаю не так, понять бы еще – что именно.

– Кофе?

– А давайте.

Думаю, что делать, если он сказал – а давайте.

Ищу.

КОФЕ

Поисковик подсказывает:

ЗАКАЗАТЬ

Заказываю. Терпеливо объясняю посетителю:

– Ваш заказ будет через двадцать минут.

Он снова усмехается, снова не могу понять – что смешного, что я сделал не так...

Поясняю:

– Вы обвиняетесь в десяти убийствах.

Меняется в лице.

– Этого не может быть, что вы несете вообще...

– Посмотрите по видео...

Он смотрит на видео, удивительно спокойно смотрит, тем оно и лучше, похоже, сразу признает, что...

– ...но вы ошиблись.

– Простите?

– Вы ошиблись, никого я не убивал.

– Ну а видео вам ни чем не говорит?

– А что на видео? Там никого нет.

Смотрю на него, не понимаю, до чего глупы люди, говорит, что не виноват, когда вот они, все факты, налицо...

– Вы стреляете в прохожих...

– ...в воздух я стреляю, никаких прохожих тут нет...

– Но вы сами посмотрите...

– ...а вы на данные этих якобы людей посмотрели?

– Нет, но...

– ...а зря.

Смотрю...

– ...где они живут, все эти граждане?

Спохватываюсь. Бангладеш, Бахрейн, Марокко, Тунис, Дамаск, Багдад, снова Бахрейн...

– Ну, вот видите. Их здесь нет. Мало ли что там ваши камеры напоказывали, в самом-то деле...

Мне не остаётся ничего, кроме как сказать...

– ...простите за беспокойство. Мы... ошиблись...

– Ничего, бывает... потихоньку научитесь...

...уже хочу уйти, когда раздвигаются двери, въезжает крохотная машинешка, которая развозит кофе, бормочет что-то про мой заказ. Делать нечего, остаюсь в комнате, черт, надо было еще побольше всякого назаказывать, продешевил...

– Так это же он!

Даже не успеваю отскочить – она врывается в комнату, показывает на меня, срывается на крик:

– Это он их убил! Это он!

Стреляю. Сначала почему-то в грудь, потом спохватываюсь, добиваю выстрелом в голову.

Экран на стене вспыхивает, шипят динамики:

– Вы... вы...

– Что я?

– Вы убили...

– Никого я не убивал, вы что...

– Но...

– ...да вы сами посмотрите, вы на данные её посмотрите, она где живет?

Экран проверяет её чип, который остался где-то бесконечно далеко отсюда...

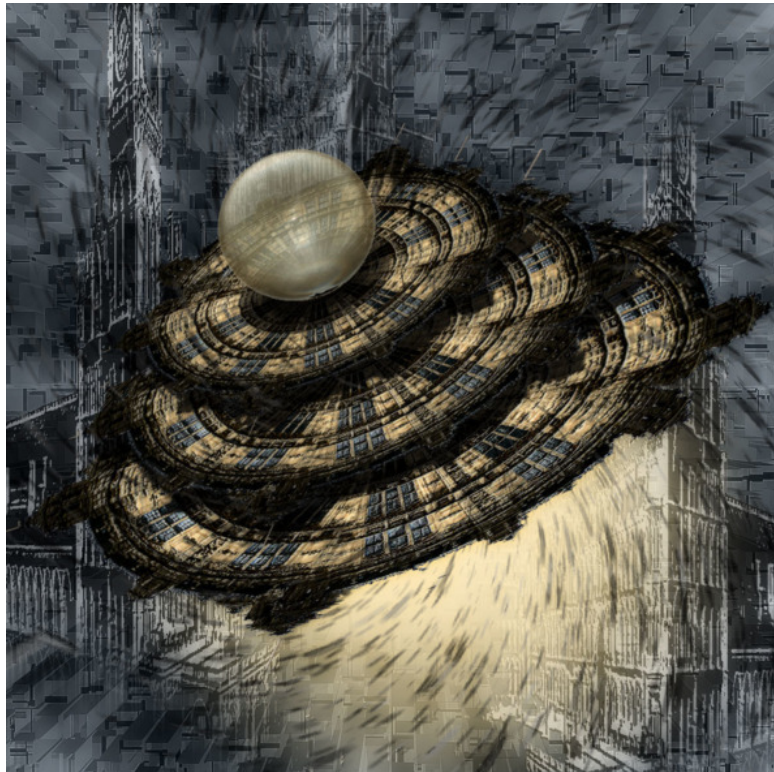
– Гхм... Бахрейн... Манама...

– ...ну вот, как она может быть здесь?

– Никак...

– Вот именно! Так что успокойтесь, пожалуйста, никого я не убивал...

Допиваю кофе, смотрю, как уносят растерзанное тело. Завязывать, говорю я себе, завязывать, хватит уже, дело зашло слишком далеко. И понимаю, что не так-то просто будет завязать....

Еще не написанный город

– Я жаловаться буду...

Говорю – в никуда, в пустоту, уже понимаю, что никуда-шеньки-никуда я не буду жаловаться, что пока я найду, куда жаловаться, уже мои косточки будут лежать где-нибудь нигде.

Люди, затащившие меня в машину, говорят, что все хорошо, как будто может быть все хорошо, когда тебе приставляют нож к горлу и волокут в машину. И ведь как шелкнуло что-то в сознании, – не подходи к ним, не подходи, когда притормозили возле меня на остановке из ниоткуда в никуда, и две девушки из машины, ой, а не подскажите, а до Тайм-бурга как доехать, мы заблудились уже... И дернул черт что-то там показывать им на карте, тут-то и был ножичек к горлу, и в машину, быстро, и – я буду жаловаться, черт вас дери, и – да вы не беспокойтесь, это на неделю, не больше, а у нас там речка есть, и дома старинные, и лавочка у нас есть, там такие пряники продают, вообще закачаешься... Да мы вам все дадим, что вам там надо, все купим и принесем, вы не беспокойтесь даже...

Повторяю – я буду жаловаться, но повторяю как-то слабо, лениво, уже понимаю, что ничего это не поможет, ниче-гошеньки-ничего.

А городок и правда оказывается славным, по-сказочному

уютным, в нем хочется жить, вернее, хотелось бы, если бы не вот так, ножом к горлу, и по шоссе через ночь, в никуда, и затормозить у причудливого домика, про который с трудом можно догадаться, что это гостиница...

– ...а вам какой номер больше нравится?

Хочу заорать, что никакой мне не нравится, и вообще, выпустите меня отсюда, вотпрямышас выпустите, и уйду, уйду, вот так, ногами, двумя, в ночь, по шоссе, только чтобы от вас подальше – ничего не говорю, пожимаю плечами, девки, вы совесть-то вообще имейте, затащили хрен знает куда, еще и спрашивают что-то...

– Нет, а давайте его с видом на площадь, круто же...

Меня гонят в номер с видом на площадь, недоуменно смотрю на девчонок, что они дальше будут делать – ничего они дальше не будут делать, желают спокойной ночи, уходят...

...чер-рт...

Только сейчас понимать, что устал, как черт, – спать, спать, спать, и чем скорее, тем лучше, и провались оно все, завтра разберемся...

...завтра...

– ...ой, ну я надеюсь, вам у нас понравилось...

– Ага...

– Хороший у нас городок, правда?

– Да... симпатичный...

– Вы нас не забудете?

Вымученно улыбаюсь:

– Ни в коем случае.

– А вы... а вы про нас напишете?

– Э-э-э...

Тала одергивает свою подругу:

– Да он еще не пишет...

Даже не возражаю, что уже в шесть лет умел писать....

...Еще не верю себе, что все так просто, что все так легко

кончилось, я еду домой, заваленный какими-то подарками, сувенирами, еще чем-то там на память, разными вкусностями из местных пекарен и мясных лавок, кучей слов на прощание, а вы на нас не сердитесь, мы же не со зла, честное слово, это очень-очень важно, для нас... и для вас тоже...

...по-настоящему прихожу в себя только на остановке из ниоткуда в никуда, в автобусе, – как будто не было никакого городка, и недели в городке не было, и меня в городке тоже не было, и вообще...

...просыпаюсь.

Сонно потягиваюсь в лучах осеннего рассвета, понимаю, что еще рано, что еще можно поваляться, никуда не спешить, а потом прогуляться по городку до площади часов, где в пустоте висят тысячи часов-луковиц, или...

...стоп.

Какая площадь, какие часы, я же должен быть... м-м-м...

э-э-э... где угодно, короче, я должен быть, только не здесь, не здесь, я же уехал отсюда...

– Я уехал отсюда, – говорю я Элис.

– Уехали, – кивает Элис.

Сидим в маленьком кафе, где по утрам подают кофе со взбитыми облаками и печенье из солнечных лучей.

– Но... почему я снова здесь?

Элис не отвечает, не отвечает не так, как будто не знает, а так, что я понимаю – ей не велено говорить.

...я уже знал, что так получится.

Уже знал – когда сначала пытался уйти из города по шоссе, а потом, пару раз вернувшись в город с другой стороны, побрел через лес, по бездорожью, через крапиву, в никуда – чтобы идти по прямой и снова вернуться в город.

Почему так, спрашиваю я у булочника, старого, как будто навечно засыпанного мукой, почему так.

– Ну а как вы хотели... понимаете... Ну если было бы что-то вроде, идете вы по дороге, а впереди шлагбаум или стена, или там вообще все обрывается в туман... ну.... Странно это. Как-то... слишком неправильно. Ну, вы согласитесь, так-то оно пристойнее как-то смотрится, что идете прямо, и приходите в то же место...

Вежливо соглашаюсь, ну не ругаться же мне с ним, где это видано, с булочником ругаться.

Осторожно завожу разговор, а что там, за пределами го-

родка.

Да ничего там нет, говорит булочник.

Даже не спорю с ним.

Ничего, так ничего.

Нет, так нет.

...сам себе удивляюсь, как это я так догадался прийти сюда, почему именно сюда – с одной стороны, логично, куда же ещё, а с другой стороны это последнее место, куда я должен был заглянуть.

А вот заглянул.

И не ошибся, черт меня возьми.

Еще для чего-то наспех собираю что-то букетоподобное, чтобы положить на собственную могилу, Женестьева (жена трактирщика) видит меня, хлопочет, да давайте я вам хризантемы принесу, да вот тут, рядом, да что вы, не жалко, они как раз отцве... я хотела сказать, что для вас ничего не...

...смотрю на дату своей смерти.

Хочу спросить у Женестьева, какой сейчас год.

Не спрашиваю.

– Какой сейчас год?

Сегодня я все-таки не выдержал.

Спросил.

Тут же спохватился, как это было нелепо, неуместно, – вот именно здесь, именно сейчас, как раз когда разоблачи-

ли коварный дом, который убил своего хозяина – где это видано, дом убил хозяина, да дома хозяевам верой и правдой всю жизнь служили, а этот – нате вам – хозяина угробил! И как угробил-то ловко, чтобы избавиться от старого хозяина, а заодно и от молодого наследника, которого заподозрили в убийстве и хотели арестовать. Видно, дом хотел достаться не хозяину и не его сыну, а молоденькой Китти, которой дом должен был отойти после смерти хозяина и сына. Осталось только понять, виновата ли сама Китти – дом говорит, что нет, Китти плачет, первый раз обо всем этом слышит, а если серьезно?

Тут-то я и спрашиваю:

– Какой сейчас год?

Мне отвечают.

Спокойно.

Обыденно.

Вздрагиваю.

Прикидываю, сколько десятков лет прошло с того момента, когда я покинул город... (покинул? Город? Ну, конечно же, я же уезжал, помню же, прощались, совали мне с собой кучу всякого-всякого хорошего, чтобы на них не обижался, оставили меня на остановке из ниоткуда в никуда) ... и до того момента, как я умер. Было же что-то, вернее, должно же было быть, какая-то работа, карьера какая-то, должен же я был кем-то стать, что-то делать, с кем-то встречаться, прощаться, ссориться, мириться, увольняться откуда-то

со скандалом или, наоборот, вышвыривать кого-то за ворота, в маленьком кафе открывать перед девушкой коробочку с кольцом, а потом через много лет в гневе швырять в старенький чемодан свои вещи, молча, потому что уже все сказано, и катись оно все к чертям...

...ночью этот мир как будто решает надо мной сжалиться, посылает мне какие-то обрывки реальности, кусочки прошлого, как я торопливо печатаю что-то за письменным столом, сочиняю головокружительную историю про говорящие дома, летающие часы, варенье из последних лучей заходящего августовского солнца в маленьком городке, где оказался однажды волей судьбы... сон обрывается на полуслове, я так и не узнаю, что там было дальше.

Следующая ночь дарит мне еще один кусочек прошлого, – какие-то встречи с читателями, какие-то гонорары, а на встречу полтора человека пришли, а на гонорары можно три сосиски купить, нет, две, на третью уже не хватит...

– ...а это книга про нас.

Жадно хватаю книгу, даже не сразу спохватываюсь, что надо бы спасибо сказать, все-таки в книге про меня написано, про нас про всех, про городок наш...

...листаю пустые страницы.

Черт...

Спыхватываюсь, похоже, и правда, надо сначала:

– Большое спасибо.

...а вот теперь уже листать, и...

...и опять ни черта, ни черта нет, только белые страницы...

– А почему...

Агнесса (дочь пастора) отвечает:

– Её ещё не написали.

– А...

...не договариваю, смотрю на обложку, на год издания, так это еще через двадцать лет будет...

– ...через двадцать лет напишут.

– Через...

– ...двадцать лет. Про вас в этом городке, про чудеса всякие ваши...

Ничего не понимаю, киваю как можно вежливее:

– Ага... понятно...

Агнесса сердится:

– Ну, зачем вы говорите – понятно, ведь вам ничегошеньки-ничего не понятно!

Обреченно спрашиваю:

– Кто напишет книгу?

– Мы не знаем. Но кто-то напишет, обязательно напишет, обязательно!

– Откуда вы знаете?

– Ну это же так просто. Вы сами-то посудите, мы есть?

– Есть.

– А вы есть?

– Есть.

– А могилу свою видели?

Вздрагиваю.

– Видел.

– Ну вот. И все-таки вы есть. А наши могилы видели?

– Э-э-э... Ну, лично вашу как-то особенно не смотрел...

– Ну я вам так сразу скажу, она есть. А я есть?

Вот это я могу ответить совершенно точно:

– Вы есть.

– И город... где часы на площади, которые висят из ниоткуда, где часы летают... или свешиваются с самой луны... он есть?

Киваю:

– Есть.

– А может он быть?

– Мм-м...

– Не может, не может, конечно же не может! А он есть.

Значит, что?

Догадываюсь. Смутно.

– Значит, кто-то написал про нас?

– Ну, конечно же, конечно!

Настораживаюсь:

– А может...

Хочу сказать – может, я написал, не говорю, я уже ничего не напишу, моя могила здесь, на окраине городка.

– Нет, не вы... но кто-то... кто-то прочитает про вас... как вы были в этом городке... ваши воспоминания... и напишет...

– Напишет?

Агнесса хлопает в ладоши:

– Напишет! Обязательно напишет!

– Вы арестованы.

Люди в форме говорят Агнессе – вы арестованы.

– Вы арестованы.

Люди в форме говорят другим жителям маленького городка:

– Вы арестованы.

Я не хочу. Я не хочу, чтобы их всех арестовали и упекли куда подальше. А ведь сам обращался в полицию, сам донес на них на всех...

Покорно отвечаю на вопросы людей в форме, уже понимаю, нет смысла врать, что есть, то есть, да, было, да, затащили в машину, да, повезли в городок, да...

Я не хочу, чтобы их арестовывали.

Всех.

Всех.

Не хочу.

Прошу кого-то сам не знаю, о чем, хотя прекрасно понимаю, что уже ничего нельзя исправить, ничегошеньки-ничего, и все-таки прошу кого-то неведомого, ну пожалуйста, пожа-

луйста, пожа-а-а...

– ...этого не было.

– Но...

Вздрагиваю.

– Этого не было, – повторяет кто-то из полицейских.

– Как не было, я же помню, – возражаю, тут же мысленно хлопаю себя по лбу, какого черта я это ляпнул, ну, какого черта...

– Это не ваши воспоминания.

– Простите?

– Не ваши воспоминания.

– А... а чьи же?

– Кто-то придумал это... уже через много лет после вашей смерти придумал вот эту историю, как вас похитили, привезли в городок, чтобы кто-то потом про вас написал...

Гром среди ясного неба.

Еще не верю себе, что все случилось вот так... вот так...

Спрашиваю.

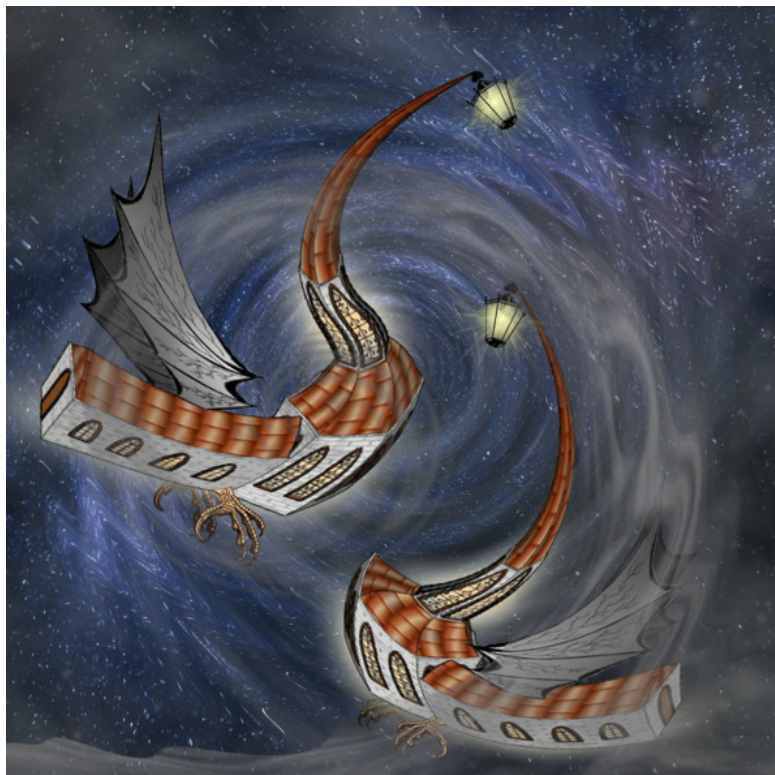
Никого.

В пустоту:

– А... а про нас... напишут? Про городок?

Мне никто не отвечает.

Никто...

Свернувший влево

Там

– Почему вы свернули?

Смотрю на него, понимаю, что не могу объяснить, что как непросто сейчас будет объяснить, почему после долгого пути я сворачиваю не направо, откуда приветливо светят огоньки дома, а налево, в холод, в лесную глушь, в туман, в дождь, в осень.

А надо объяснять. Здесь, сейчас, а то ведь не отстанет от меня со своим – почему я свернул, да и его можно понять, устал, как черт, а тут я выворачиваю руль в неведомо куда...

Еще пытаюсь придумать какую-то ложь про домик где-то там, там, за поворотом, – вранье неловко повисает в пустоте, так и не будучи сказанное, еще пытаюсь соврать что-то про гостиницу, которую мы видели, дорого там все, там за стакан воды берут, как за свиной окорок, и чая горячего нет, вернее, есть, но за ним в бар тащиться, а в баре такие цены, что закачаешься...

...понимаю, что не могу врать.

Не умею.

Говорю, как есть, уже чувствую, что он мне не поверит, да я сам себе уже не верю, не может быть правдой это смутное

воспоминание, ну просто не может...

– Понимаете... там людей убивают.

Он меняется в лице, вздрагивает:

– К-как убивают?

– Не знаю, как... но убивают.

– А ч-что... были случаи?

Я молчу, я не знаю, как сказать ему, что будет дальше – а я знаю, что будет дальше, мы приедем в уютный отель, войдем с холода ночи в ласковое тепло холла, где будет весело трещать камин, и нам дадут теплые комнаты наверху, где у постелей светят тусклые лампы, напоминающие свечи...

...а ночью кого-то убьют.

А на следующую ночь еще кого-то.

И еще.

И еще.

– Там... – останавливаю машину на обочине, серая морось падает на стекло, – там убьют кого-то... я знаю...

– Так это в полицию надо...

– ...телефоны не работают... я тоже знаю...

– В смысле... знаете?

– Ну... я там уже был... и там кого-то убивали... каждый раз...

Чувствую, что он понимает меня – но не до конца, он думает, что я уже приезжал в этот отель – например, на прошлой неделе или в прошлом месяце, и там что-то случилось. Путь думает так, так оно даже проще, мне не придется объ-

яснять, что это уже было – тринадцатое сентября двадцатого года, каждый раз я еду в дождь, в холод осени – в никуда, каждый раз вижу огни, притормаживаю у старинного особняка, который кто-то переоборудовал в отель, а потом я пойду туда, и все будет хорошо, а потом кого-то убьют...

Я знаю.

Я уже знаю.

И еще одно вспоминаю – смутно-смутно, как позабытый сон – что ничего сделать нельзя, ничего-ничего, никого уже не спасти, и остается только свернуть не вправо, а влево. Там, слева, конечно, тоже может не оказаться ничего хорошего, если не сказать больше – бесконечная дорога в темноту ночи, хмурый осенний лес, в котором может таиться все, что угодно, и даже больше...

И все-таки мне это кажется лучшим вариантом, чем ехать в уютный дом с приветливо мерцающими окнами, – где кого-то убьют...

– Поехали в дом.

– А?

Смотрю на него, не верю своим ушам, ослышался я, что ли...

– Поехали. В дом.

– Но я же вам сказа...

– ...не беспокойтесь. Я о вас позабочусь.

– Простите?

– Я позабочусь... о вашей судьбе.

Фыркаю.

– Вы поймите, это так не работает, если мы следить друг за другом будем, и защищать друг друга будем, нам это не поможет, вот в чем дело-то... Обязательно что-то случится, что-то такое произойдет, например, нам придется разделить-ся, вот буквально на пару секунд, а когда вы меня снова увидите, я уже мертвый лежать буду, или я спохвачусь, а вы мертвый лежите, или... или вообще так получится, что вы меня убьете... или даже я вас... ну что вы на меня так смотрите, не собираюсь я никого убивать, я нормальный человек, не что-нибудь... только... только там что-то произойдет, что я убийцей стану... или вы убийцей станете... хотя вы по жизни человек хороший, и... – говорю, сам не верю в то, что говорю, а что если он-то и есть убийца, и на его счету немало жертв...

Он откашливается.

– Да нет, вы не поняли... я не говорю вам, что буду за вами следить или там защищать... я сказал, что я о вас позабочусь... как и о них обо всех... об их судьбах...

Я хочу спросить, каким образом. Смотрю на него, не спрашиваю.

Что-то подсказывает мне, что он и правда может позаботиться обо всех о нас.

Почему-то.

Потому что.

Нипочему.

Просто.
Может.

Тут

– ...ну, вы книгу себе представляете?

– Какую книгу?

– Да любую.

– Ну, обложка, корешок, страницы...

– Да не-е-ет... содержимое!

– Буквы, слова... текст... абзацы...

– Что-то вы все не про то...

– А что?

– А я про сюжет говорю...

– А-а, и что же?

– Ну, вы представляете... вот история начинается с чего-то или с кого-то, вот человек едет куда-то, например, в отель какой-нибудь там или человека обвинили в чем-то, или задание там какое-то дали сложное... потом страница за страницей что-то происходит, герой что-то делает, чем-то все это кончается, полцарства там герой получает или убийцу находит...

– Ну да.

– Ну, вот... как думаете, когда кто-то снова откроет книгу и будет её читать... герой помнит, что с ним там в книжке было?

– Нет, конечно.

– Но ведь с ним все это было, книгу уже написали, и чи-

тали её неоднократно...

– Ну читали и читали, не может он помнить, что было... если бы герой помнил, что там с ним было, он бы в другой раз по-другому действовал... задержали бы убийцу до того, как он кого-то убьет, или там сразу бы сокровища нашли, знали бы, где искать... да и убийца в этот раз был бы умнее, по-другому бы поступил...

– Ну а представьте себе вот такую вот книгу?

– М-м-м... интересно бы было. Каждый раз по-новому.

– А ведь есть такие...

– Да вы что?

– И все больше. Прямо как инфекция какая-то или сбой реальности идет, герои начинают догадываться...

– Здорово.

– Что здорово, какое здорово, вы хоть понимаете, что это вся литература псу под хвост пойдет?

– Ну... я бы не сказал... ну, будет другая литература...

– Другая... автор старался, выдумывал что-то, а тут нате вам, все перемешается... и главное, вы поймите, первой-то, первоизданной книги не останется! Даже если писатель снова все слово в слово напишет, оно опять все по новой перевернется, все по-другому будет!

– Да, надо бы как-то варианты сохранять...

– Вот именно об этом я и хотел вас попросить.

– В смысле?

– Найти способ... сохранять книги.

– Не-ет, не просите даже... я не возьмусь.

– А что такое?

– Не мой профиль, то такое.

– Цену набиваете?

– Да какую цену, вы хоть понимаете, что это вообще невозможно?

– Но вы же... литературовед...

– И что с того? То-то и оно, что я литературовед вообще-то, а не черт знает, что такое... это я вообще не знаю, кто вам нужен... и как это происходит...

– Слушайте, скажите честно, что вам нужно?

– Да ничего мне не нужно.

– Нет... чтобы вы согласились...

– ...не соглашусь.

– Слушайте, так нельзя... так не положено... так не может быть... Вы не можете отказаться... Вы должны согласиться, потом разобраться, что тут делать...

– С чего вдруг?

– Ну... так бывает в книжках...

– В книжках-то, может, и бывает, только мы-то с вами в жизни...

– ...проверим.

– Что проверим?

– Где мы... вот пока не помню, чтобы я с вами встречался, но это пока, может, автор только что нашу историю пишет, или первый наш читатель первый раз это читает... а через

пару прочтений запомним, что тут к чему...

...в настоящее время найден только один способ поддерживать в порядке свою книгу – для этого писателям приходится погрузиться в созданный ими мир. Но эксперты предупреждают об исключительной опасности этого метода: уже были неоднократные случаи...

Там

– ...вы... вы что наделали-то?

– Он смотрит на меня недоуменно, как он смеет смотреть недоуменно, как будто и правда не понимает, что случилось...

– А что такое?

– Это вы так-то обо мне позаботились?

– В смысле?

– В смысле... он еще делает вид, что ничего не случилось... Меня, между прочим, только что убили, с лестницы столкнули, а вы...

– ...да. Так и должно было быть.

– Ч-что должно было быть?

– Вот так.

– Хотите сказать...

– Ну, вы извините меня.... должен же был кто-то умереть... иначе бы и истории никакой не получилось бы...

– П-почему...

– ...именно вы? Ничего личного, честное слово... случайный выбор... а вы не переживайте так, остальные тоже умрут, тут выживших-то не останется...

Там

– ...а ведь вы мне неправду сказали.

Он удивленно смотрит на меня.

– Что я вам не так сказал?

– Все не так сказали... вы сказали, что вы автор... и что вы о нас позаботитесь...

– Ну да, а что не...

– ...а ведь никакой вы не автор.

– В смысле?

– В смысле. Автор-то я.

– Вы?

– Я. Надо же, пришлось умереть, чтобы вспомнить...

Вы же по сюжету должны были первый погибнуть, и надо же, пару-тройку раз свою жизнь книжную прожили, и запомнили, что с вами будет... Я и не думал, что вы так кардинально вопрос решите, свернете влево... Не, это ж какое мужество надо, в такую ночь от теплого дома свернуть в холодную осень... Я уж было хотел вам в лесу каких-нибудь гадовстей подстроить, только это уже не детектив получился бы, а ужастик... такое бы вам тут учинил, что вы бы сами вперед штанов в дом побежали... а в доме там и детектив начнется, поймете, что люди пострашнее всяких чудищ... Только это уже другая история, другая книга, вы у меня сейчас где-то в лесу от чудищ убегаете... а в этой книге я к вам в машину

подсел, хотел уговорить вас в дом поехать... сказал бы, что я автор ваш, и что я о вас позабочусь...

Он усмехается.

– Верно. Только я поумнее вас оказался... вы пару раз и правда такую штуку провернули, уговорили меня туда поехать, чтобы у вас там все по плану было в книжке... Вы только одного не учли, что если вы сами в книжку свою залезете, обратно выбраться не так просто будет... Кончится история, начнется новый виток, и вы все забудете... Напрочь забудете, что автор – вы...

Спрашиваю, хотя уже не надеюсь на ответ:

– Как мне отсюда выбраться-то?

Тихий смешок.

– Никак уже. Вы же умерли... вместо меня умерли, эта скотина вас с лестницы столкнула... Кстати, напрасно сказали вы, что все умрут, вы меня убить хотели и еще двоих, а остальные двадцать живехонькие будут...

Смотрит на меня. С презрением. Не забыть, говорю я себе, не забыть, когда все кончится, когда снова поедем по дороге, не забыть, что я...

Он меняется в лице.

– Стойте-ка... вы сказали... что вы еще про меня писали, где я сначала влево свернул, и в лес...

Мысленно щелкаю пальцами, ага, есть...

– Ну... допустим, писал...

– ...и...

– ...где эта книга, вы хотели спросить?

– Ну да.

– Ну, я конечно, могу вам сказать... только не хочу.

Он приближается ко мне, злющий, глаза бешеные:

– Ты... ты мне скажешь... ты мне все скажешь, а то...

– Что – «а то»? Что – «а то»? Я уже умер, что ты мне сделаешь?

Он снова усмехается, на этот раз злобно, жестко:

– Ну... книжечку кто-то прочитает, и она снова начнется, и все по-другому может быть... А может, эта идиотка умеет не только сзади подкрадываться и с лестницы спихивать, а может, она вообще садистка отморозенная, и не она одна, а еще пара человек, табуреткой по голове, привяжут в подвале, и...

Сжимаю зубы. Тут, главное, не показать, что мне страшно, страшно должно быть ему, да не должно, а так и есть, ему страшно за того себя, который где-то блуждает по лесу...

Говорю.

Как можно спокойнее:

– ...ну а как насчет помочь мне отсюда выбраться? Я вам и книжечку про вас достану, которую вы просили...

Он выдыхает:

– Сначала книжечку.

– Да как же книжечку, это мне выбраться надо, чтобы книжечку найти...

Он задумывается, – на какие-то доли секунды, тут же до-

бавляет:

– А не надо вам для этого выбраться... про нас же кто-то читает, верно говорите? Ой, не скромничайте, да такую книжку, да такого автора, да не читает никто, да быть того не может. Так вот, вы со страницы обратитесь к читателям, кто-то, может, читал вторую книгу вашу... где я сворачиваю влево...

– И... как они нам ответят?

– Ну, вы как будто в прошлом веке живете. Так книжечки-то сейчас на бумаге мало кто читает, больше в электронном виде... В комментах пусть ответ напишут, мы прочитаем...

Киваю:

– Да-да, конечно, напишут в комментах.

Тихонько молчу про себя, что ничего никто не ответит, потому что я эту книгу так и не написал...

Ддддо-о-о-о-о-о-о-о-о-о-
о-ом-м-м-м-м-м-м-м-м

У меня есть... э-э-э... м-м-м...

...попробую еще раз.

У меня есть...

...э-э-э...

Нет, не так, ну-ка, собрался, сконцентрировался, и —

У меня есть...

...тьфу ты черт, не получается, сознание отказывается вы-
давать слово, я точно помню, что должно быть какое-то сло-
во, но, черт возьми...

Короче, у меня есть.

Это.

Вот это самое.

И это хорошо.

Большое, в него можно войти, и можно из него выйти,
и можно быть в нем, а можно быть не в нем (тоже для этого
есть какие-то слова, в упор не знаю), и там, в нем, хорошо,
там теплее, там есть мягкое, на чем можно спать, там мож-
но сидеть у тепла, и... что-то поглощать, приятное что-то,
опять ничего толком не вспоминается...

...а вот.

Что-то гулкое, что-то ударяющее, а потом гудящее, что-то

воюющее... и не так – сначала удар, потом вой, потом гул.

Ддд-о-о-о-о-о-м-м-м-м-мм...

Вот так.

Да.

У меня есть д-до-о-ом-м-м.

И это хорошо.

Завариваю что-то терпко пахнущее, вспоминаю – каф, нет, не каф, – кооф, вот это, горькое, сюда надо сугар, и это вот, белое, и размешать, и будет хорошо. И еще чтобы вот это розовое с белым шкворчало на черном и круглом, и еще шкворчало с желтой сердцевиной, вот как здорово, красота какая.

И так хорошо. Чтобы хрустело на металлических зубцах, потом на моих зубах, это я уже на веранде, где за ступеньками крыльца начинается что-то трещащее, нет, это название у него трещащее – т-р-р-р-ава. Тр-тр-тр-трр-р-ава.

А дальше темный туман, нехороший какой-то туман, непривычный, все остальное привычное до черта, а это первый раз. Допиваю кооф, выбираюсь на траву, и дальше, в туман, сам не знаю, зачем – должно же там быть хоть что-то. Ничего нет, тьма обступает, как-то нехорошо обступает, что в двух шагах от дома я уже не вижу пальцы вытянутой руки, и сам дом (ддо-о-ом-м-м-м), становится почти неразличимым. Мне страшно, я отступаю назад, в тра-тра-траву, смотрю на фонарь у крыльца, осторожно снимаю фонарь с крючка, снова иду, подсвечиваю себе путь – уютное янтарное си-

ание беспомощно спотыкается о темноту.

Я так не хочу, я хочу, чтобы что-то было там, за воротами дома, я помню, что что-то должно быть – хотя никто не говорил, что за воротами дома что-то бывает.

А я знаю.

Должно быть.

Тьма не сдаётся, я тоже не сдаюсь, я настаиваю, – должно быть, должно, вот потому что... Туман отступает совсем немного, выпускает несколько голых деревьев, какими они бывают по осени. И новое слово из ниоткуда, звенящее, шелестящее – осень...

Должно быть что-то еще.

Понять бы еще, что именно – что-то, нет, не понимаю, проклятушая память не подсказывает мне, – я не знаю, я только чувствую, что должно быть еще что-то, вот тут, вокруг меня, но почему оно должно быть, кому должно, что именно – я не знаю ответа. Только какая-то смутная неясная тоска, тоска от того, что чего-то нет...

Это неправильно, говорю я себе.

Неправильно.

Потому что...

...потому что просто... неправильно...

Не-дом, говорю я себе.

Нет, не так.

Другой дом.

Чужой дом.

Жуткое сочетание, несочетаемое, пугающее, как дом может быть не моим, чужим, другим, – да никак не может, это же дом, дд-о-о-ом-м-м-м...

А вот может.

Вот этот, свет которого я вижу вдалеке, с моей веранды, даже отсюда могу различить два этажа, мансарду, свет в окнах.

Иду. Если это можно назвать иду – по пустоте, не чувствуя под собой опоры, шаг за шагом, боясь упасть в пустоту, в никуда, в ничто. Дергаю дверцу калитки – дверца не поддается, и что-то подсказывает мне, что она не откроется, что мне туда нельзя, что это вот – с мансардой и уютным двориком – не для меня, и даже деревья снаружи забора не для меня.

Чужой.

Я еще не понимаю толком, кто чужой, но – чужой.

Он.

Вон там.

Кто, кто, спрашиваю я свою память – и не нахожу ответа, память молчит, давится сама собой.

Но – он.

Но – вот так.

И проще всего сделать вид, что ничего не происходит, ничего не изменилось, подумаешь, он, ну и что, что он, мало ли, какой там он... И понимаю, что не получится сделать вид, что ничего не произошло, что я должен что-то сделать, приблизиться к нему, и...

...и...

...черт возьми, хоть бы знать, что – и...

Иду к нему, (к другому! К чужому!) ближе, ближе, шагаю по пустоте, чуть расчерченной на очертания каких-то камней под ногами, – останавливаюсь, не доходя несколько шагов, я смотрю на его спину, я не хочу, чтобы он оборачивался, я не хочу...

Хруст под ногами.

Ветка.

Я вижу его лицо, его...

...черт, а это, оказывается, больно, когда видишь другие глаза, это больно, когда – глаза в глаза, это обжигает. Он тоже отводит взгляд, ему тоже больно.

Я понимаю, – мы умеем обжигать глазами.

Не отворачиваться.

И не смотреть в глаза.

А так. Слегка. Смотреть, и в то же время не смотреть. Подходить, и в то же время не подходить. Все в каких-то полутонах, на какой-то неуловимо тонкой грани между – уйти прочь и подойти слишком близко.

Еще два шага.

А потом нужно раскрыть рот, вот это я понимаю – раскрыть рот, вот так, а потом... а потом закрыть... или нет, не закрыть, что-то другое, что-то... вдохнуть... выдохнуть... и не просто выдохнуть, а как-то...

– А-а-а-а-а-а-а...

...сам пугаюсь того, что получилось, он тоже пугается, отскакиваем друг от друга, тут, главное, собрать волю в кулак, не убежать...

...и попробовать снова...

– А... а-а-аг-га-а-аа...

Получается, черт меня дери...

– Д-доо-о-о-м-м-м-м... д-до-о-о-о-м-м-м-м...

Показываю на дом, и здорово так получается, это же —

– Д-до-м-м-м-м!

И это же —

– Тр-тр-тр-р-р-р-р-ава!

Он смотрит на меня – с пониманием, я уже догадываюсь, что он будет говорить, и все-таки пугаюсь, когда это случается, звуки какие-то странные, жутковатые —

– Му-у-у... му-у-у... му-у-у-н-нн...

Показывает на себя, повторяет нетерпеливо:

– Му-у-у-у-н-н-н-н! му-у-у-у-у-н-н-н-н!

Не понимаю это – мычащее, ноющее, но он настаивает на своем, снова тычет в грудь, снова мычит, смиряюсь, соглашаюсь, пусть будет так, ткнуть себя в грудь и сказать – Му-у-у-ун. Тыкаю себя в грудь, говорю —

– М-у-у-ун.

Он мотает головой, он не соглашается, он не хочет, чтобы я так делал. Принимаю правила странной игры, что он может ткнуть себя в грудь и сказать – му-у-у-н, а я не могу. Это несправедливо, думаю я, я хочу сказать ему – несправедли-

во, но не могу выговорить такое длинное слово, получается что-то неуклюжее – не... не... не...

Он показывает на меня, он ждет, что я скажу что-то, нет, не му-у-ун, му-у-ун нельзя, а что же тогда...

Это нечестно, думаю я про себя.

Нечестно.

Разворачиваюсь, ухожу в темноту, к себе в дом (д-доо-о-о-ом-м-м-м), у меня там ко-о-оф, у меня там жареный цыплёнок, и...

...он догоняет меня, нет, не цыпленок, а этот, он, он хочет схватить меня, но чувствует, что хватать меня нельзя, потому что... потому что у нас (у кого у нас?) так не принято, мы так не делаем, он догоняет, он осторожно толкает меня в плечо, он не хочет, чтобы я уходил. Я снова показываю на себя – он отчаянно мотает головой, нет, нет, нет, ведет меня за собой к дому, а смотри, чего у меня есть, а у меня мангал есть, а у меня еще бассейн есть, а у меня еще...

А когда появился третий дом, мы уже знали, что делать – мы, – я и Мун. Подошли к дому – дом как будто понял, что мы замыслиаем, открыл нам калитку, пустил во двор, позволил нам растопить огонь в очаге, заварить кофе, пожарить цыпленка табака, и когда появился он – все было готово.

На этот раз я даже видел, как он появился – вот только что никого не было в комнате, и вот проступают очертания кого-то никого, четче, четче, кто-то никто смотрит перед собой пустыми глазами, еще не понимает, что такое он сам, что

такое мир вокруг...

Мне интересно, какое слово он найдет первым, дом, или хлеб, или что.

...ничего не находит, видит нас, в ужасе отскакивает, кричит – тонко, пронзительно, бежит прочь, неуклюже тычется в стену, с трудом находит дверь, бежит по дорожке, спотыкается, падает, беспомощно пытается встать, смотрит на нас...

Я не знаю, что делать, я показываю на дом, я говорю —
– Д-доо-о-ом-м-м.

Мун (Мун? Мун!) показываю на себя, говорит – Мун.

Вновь прибывший смотрит на нас, смотрит с неожиданным пониманием, показываю на себя:

– Найт.

Шагает к нам. Спокойно, уверенно, по-хозяйски обирает на стол, готовит еще что-то, причудливое, замысловатое, зовет всех к столу.

Что-то не так с этим Найтом, что-то, что-то, понять бы еще, что, – не понимаю, только чувствую, что вот есть мы, а вот есть Найт. И вот еще, когда понесем скамейку с веранды на траву, это будем делать мы двое, а не Найт. Почему-то.

Смотрю на Найта, на Муна, стучатся в голову какие-то воспоминания, как мы сидели вот так... или не вот так... или еще что-то делали, я не могу вспомнить, что именно, не могу...

Ночью мне снится Марс. Это тем более странно, что этого сна я вообще не знал, что такое Марс, почему Марс, откуда

Марс. А вот – Марс, зеленоватые пустыни, холодное солнце (я смотрю на него и чувствую, что оно холоднее, чем должно быть, почему-то я знаю это), еще что-то про Марс, вспомнить бы еще, что именно, мы шли куда-то, надо было что-то сделать, а куда, а что, а... ..а сон ускользает, и я не успеваю его поймать, я снова засыпаю, но ловятся какие-то другие сны, по наши три дома, про меня, про Найт, про Муна, про цыпленка табака и салат из помидоров...

Просыпаюсь, смотрю на рассвет, который пробивается из-за занавесок, и так странно – солнца у нас тут нет, а рассвет есть. Слезаю с широченной кровати, зачем мне одному такая кроватища, обхожу дом, оглядываю комнаты, вижу маленькую кроватку в комнате в конце коридора, причудливый конструктор, крохотный розовый автомобильчик, какую-то электронную игрушку, «Машина знаний», гхм, нехило... пластиковые лошади, покрытые замшей, почти как настоящие, одна с крыльями...

Я хочу сказать дому, что он ошибся, что я уже большой, я уже не играю с лошадками и конструкторами, хотя... гхм... насчет конструктора еще как посмотреть. Но все равно тут что-то не так, зачем мне машина знаний, зачем мне куклы со звериными головами, в старинных костюмах, будто сошедшие с картин Босха, беру куклу с собачьей головой, она говорит что-то скрипучим голосом, роняю в ужасе, хочется бежать отсюда опрометью. Нет, не бегу, слушаю от куклы какую-то историю про Отряд Великих Псов, как они сражают-

ся с несправедливостью во всем мире...

Что ты хочешь сказать, дом, спрашиваю я – дом молчит. Листаю страницы игрушечной «Машины знаний», ищу какие-то подсказки для меня, сколько планет в Солнечной Системе, варианты ответов... Нажимаю на восемь, машина радостно верещит, что правильно. Сколько спутников у Марса... В каком году состоялся первый полет человека в космос... нет, все слишком просто, до примитивного просто, если только в этом «до примитивного просто» не кроется какая-то подсказка...

– Он... он меня убил!

Это четвертый.

Вот так.

Ни здравствуйте, ни до свидания. Когда мы заботливо готовим новый дом, жарим грибы на гриле, вспоминаем первые слова – д-до-о-о-м-м-м-м, му-у-у-н, – а потом появляется четвертый, смотрит на меня бешеными глазами, швыряет меня на землю, бьет – сильно, больно, я раньше и не знал, что значит – больно, орет во все горло:

Он меня убил, падла, убил, с-сука!

Скручиваем четвертого, хотим связать – четвертый уже успокаивается, только смотрит бешеными глазами, не на меня смотрит – мимо меня, мы уже знаем, все знаем, смотреть в упор нельзя, взгляд обжигает.

Меня прорывает:

– Какого черта несешь вообще?

– Он... он меня...

– Что врешь-то?

Четвертый смотрит на меня недоуменно.

– Хорошо завираться, я его убил... если я тебя убил, какого хрена ты тут живехонький сидишь?

– А-э-э-э...

– Вот тебе и а-э-э-э... мы его встречаем тут с почестями, а он вон чего...

– А ведь он меня убил...

Оборачиваемся, смотрим на Муна, ты-то чего рехнулся, или это заразное, сначала один рехнулся, а за ним все...

– Он меня ножом заколол, – добавляет Мун, показывает на четвертого – так что нечего, Клок, тут права качать, сам хорош...

Я все еще не понимаю, что происходит.

– Как он тебя мог заколоть, если ты...

– ...ну... – Мун смущается, – ладно, проехали... Еще будем тут выяснять, кто кого заколол...

– ...а он меня отравил, он мне вместо сердечных капель дрянь какую-то подсыпал, что у меня вообще кровь из всех мест пошла... – не унимается Клок, показывает на меня.

– А-а-атставить, я сказал! – вспыхивает Мун, – хороши уже... все... вон, грибы на гриле с помидорами, давайте завтракать уже, пока друг друга не поубивали...

Ночью мне снится, как я убиваю Клока, как выверяю концентрацию сердечных капель, такую, чтобы без шансов, что-

бы раз и навсегда...

...мне не дают досмотреть сон, колотят в окно, какого хрена вообще, ты мне еще стекло разбей, я потом тобой это окно заткну на хрен... распахиваю в окно, смотрю на Найт, ей-то чего надо среди ночи, что случилось-то... Иду, иду, выискиваю халат, халата нет, наскоро одеваюсь, да говорю, иду, дай, блин, штаны надеть...

– Чего... чего такое?

В-вот, – Найт разворачивает сложенный вчетверо листок, показывает мне, – смотрите...

Смотрю.

Десять строк.

Десять фамилий.

Найт.

Клок.

Мун.

Тайм.

Дарк.

Люкс.

Гост.

Дрим...

...Вздрагиваю на слове Дрим, уже н пытаюсь анализировать свои чувства, уже понимаю, Дрим – это я. Дрим. Др-рим. Др-рим...

Ив.

Ава.

– А это... а это...

– ...а я не знаю, что что.

Я смотрю, я тоже не знаю, что это может быть, список, список, список кого, список чего, – непонятно...

Догадываюсь...

– ...кто-то будет следующий.

– Вы думаете?

– Ну... похоже...

Др-р-р-им, повторяю я про себя, Др-р-р-им-м-м-м-м, от этого дребезжаще-звнящего слова сладко на языке...

Наутро появляется новый дом, и мы все гадаем, кто там будет, Муну почему-то кажется, что Дарк, а Найт говорит, что там может оказаться Люкс. Оглядываем дом, пытаемся понять по дому, кто там будет жить в этих башнях с узкими винтовыми лестницами, ведущими в бесконечность, Найт снова говорит, что похоже на дом для астронома, а астрономом был Дарк, потому что... ну... ну, потому, что был, ну что я, Дарка не знаю, что ли, ну, не знаю, откуда знаю, но...

Мир поддается нам, все больше выпускает реальность, шаг за шагом, метр за метром, проклеывается дорога между нашими домами, причудливые фонарики вдоль дороги, кусты, деревья, листья, которые пока не понимают, какими им быть, то ли только что проклюнувшимися по весне, то ли пожелтевшими по осени...

Я все меньше понимаю дом, свой дом, ддо-о-о-о-м-м-м – какого черта у меня в шкафу висят вперемешку с мужски-

ми – женские шмотки, какого черта туфли на высоком каблуке, какого черта в ящике россыпи помады, Жаркий Жемчуг, Коварный Кварц, Огненный Опал, Горделивый Гранат, Таинственный Топаз, Мечтательная Мята, Чарующий Чай... Тыфу ты, черт, дом, дом, ты что-то перепутал, это все не мне, это для Найт, ну или еще какая женщина если здесь появится, вот её вся эта хрень порадует, Лимонный Леденец, Роковая Роза, Фантомная Фуксия...

В новом доме оказывается Тайм, как-то странно оказывается, по-тихому, не выходит к нам, прячется как будто от самого себя, то ли боится, что мы его уьем, то ли боится, что он нас убьет, то ли и так, и так...

...просыпаюсь, в какой-то непонятной тревоге, мерзехонько так на душе, иначе не скажешь – мерзехонько, было там что-то во сне, что нас много, а чего-то не хватает, чего-то важного очень, не то хлеба, не то воды, не то воздуха, не то света, хотя свет нам не нужен, без света мы не умираем. И нужно что-то сделать, чтобы не погибнуть, нехорошее что-то, мерзкое что-то, о чем даже не хочется думать. Мерзкое что-то, что-то...

...только сейчас спохватываюсь, что меня разбудило, шум на улице, что случилось-то, выглядываю из окна, вижу на дорожке двоих, что-то подсказывает мне – они здесь только что появились, они еще сами толком не понимают, кто они и что они. Кто-то зовет меня по имени, я и сам уже бегу вниз по лестнице на первый этаж, на дорожку, подсвеченную фо-

нарями, смотрю, как Найт обнимает Дарка, смотрю на Люкс, тут будет проще сказать – память подсказывает мне, да ни черта мне память не подсказывает, я просто смотрю на Люкс и обнимаю Люкс, и время позднее, домой идти надо, и спать ложиться, утром разберемся... Да что тут разбираться, и так уже понятно все, вернее, ничего не понятно, но все понятно...

– Как думаешь, кто дальше придет?

Это Люкс.

Просит кого-то никого каталоги помад, хочет заказывать еще, еще и еще, Вычурной Вечер, Сумеречный Сапфир, Романтический Рубин, Флиртующая Фиалка, Очарованная Орхидея, Неистовая Ночь...

И спрашивает:

– Как думаешь... кто дальше?

Хочу спросить, что – кто дальше, не спрашиваю, понимаю.

В смысле, кто дальше сюда придет.

Прикидываю.

Остались Ава, Ив и Гост. Пытаюсь понять что-то про них, ничего не понимается, от слова совсем...

– А может... – говорю, сам пугаюсь своего голоса, – а может... никто?

– Думаешь? – Люкс смотрит на меня с надеждой, роняет каталог, – думаешь?

– Нет, ну а чего бы им не...

– А им на всех хватит?

– Хватит, чего бы не...

– Да не хватит! Не хватает же!

Хочу сказать что-нибудь в утешение.

Не говорю.

Понимаю, что никаких утешений быть не может...

Вечером ужинаем у Дарка и Найт, разговор клеится как-то через силу, снова рассыпается на осколки. Я уже понимаю, мы все хотим спросить – кто будет следующий, мы все не спрашиваем.

Следующий...

Чем дальше, тем больше мы понимаем, что следующий будет.

Обязательно.

Будет.

Я хочу, чтобы это был Гост. Мы все хотим, чтобы это был Гост, и я не могу выразить, почему мы все этого так хотим...

Ближе к ночи поднимаюсь наверх в комнаты в доме Дарка и Найт, смотрю на комнату под самой крышей, детская кроватка в виде корабля, разобранные детали не пойми чего, плюшевый заяц на почетном месте...

Слышу шаги за спиной, оборачиваюсь, смотрю на Найт, вопросительно смотрю, Найт ловит мой взгляд, осторожно, чтобы не обжечься, отвечает на немой вопрос:

– Ив.

Киваю.

– ...он разбирать все любил... мы его в магазин игрушек отведем, так ему и не надо ничего, ему у папы в гараже все разбирать надо... еще бы собирать научился, цены бы не было...

Ляпаю первое попавшееся:

– А научится.

– Ага... а научится... А из кроватки вырос уже, а менять не хочет ни в какуюю...

– А это... а если такую же заказать?

Найт фыркает:

– И чего, так и будем до восемнадцати лет?

– А чего... а хоть до тридцати, хоть до сорока, и чего такого... да вы крутую мысль подкинули, я сам себе такую закажу...

Смеемся. Найт давится смехом, я буквально вижу, как её горло сжимают беззвучные рыдания...

– ...я... я не хочу, чтобы Ив... пусть не Ив... ну пожа-а-а-луйста...

Говорю, сам не понимаю, что я несу:

– А пусть не Ив.

Смотрит на меня изумленно:

– А... а как тогда... а тогда Ава?

– И... и не Ава пусть...

Говорим, сами не верим в то, что говорим, черт возьми, откуда я уже знаю, что так не будет, чтобы – не Ив и не Ава...
...темнеет.

Входим в дом, уставшие, от гостей, от чужих домов, от суеты, Люкс задергивает шторы, шелковое платье волнами падает к её ногам...

Зажигаю тусклый светильник у лестницы, вздрагиваю, когда вижу глубокую рану на шее Люкс.

– Это... это...

– ...проехали.

Не хочу ничего проезжать, сжимаю её плечо:

– Кто?

– ...Это Дарк... слушай, я тебя умоляю... Слушай, ну у Клока тоже к тебе претензии есть, что теперь, передеремся все? А Найт, между прочим, по моей вине...

Краснеет.

Понимаю, что и правда лучше не вспоминать, проехали, что было, то было, и быльем поросло...

...когда приходят Ив и Ава, мы делаем детскую горку, и торт печем, ну и что, что вредно, раз в жизни можно, и вообще... Устроили что-то вроде детского праздника, уже потом, задним числом пожалели, потому что дети каждый день стали требовать такое вот празднество, ненуачо, вам жалко, что ли, как, не можете, вы здесь все можете...

Ив говорит, что соберет звездолет, и почему-то мне кажется, что у него это получится.

Ава просит, а можно я скажу, чтобы был Отряд Великих Псов, чтобы по-настоящему был, ну пожалуйста-препожа-а-а-алуиста, ну мы осторожно будем, ну мы тихонечко...

На общем совете решаем, ну пусть куклы оживут, но только чтобы не более того, а Ава еще придумала, чтобы в машину знаний нырять можно было, как в бассейн, и плавать там среди звезд и планет...

...а потом мы ждали, когда появится дом Госта, а дом Госта не появлялся.

И сам Гост тоже не появлялся.

Через три дня Клок говорит что-то про спасательный челнок, мы ничего не понимаем, понимаем только, что Гост не придет. В тот же вечер как-то все цапаемся друг с другом, исключительно потому, что нет Госта, был бы Гост, мы бы на него все набросились, а его нет...

...Гост пришел через двадцать пять лет, когда мы его уже не ждали, сначала появился дом Госта, кто-то еще вскользь заметил, надо бы дом разломать, сделали вид, что кого-то не слышали.

А потом появился сам Гост, не возле дома, а поодаль, и мы смотрели на него, а он смотрел на нас, и нужно было что-то дальше делать, что-то сказать, и непонятно было – что...

Живущий вправо

Все живут вперед, а я живу вправо.

Хотя с тем же успехом можно сказать – я живу влево.

Или вверх.

Или вниз.

Хотя нет, вверх и вниз, это я напрасно загнул, я не чувствую, чтобы поднимался или опускался куда-то в своем движении.

Итак, я живу вправо.

Как бы это объяснить... Ну вот представьте себе ось времени, которая движется, конечно же, вперед. И вы все вместе с ней. Дома, деревья, люди, машины, самолеты, тротуары, плывущие в небе облака. Из прошлого в будущее. Из вчера в завтра. Из лета в осень.

А я иду вправо.

Проще, конечно, сказать, что время для меня попросту остановилось – я хожу по застывшим городам, огибаю неподвижных людей, выбираю в супермаркетах всех, что мне понравится. Только это не так, я не замер на оси времени, я как будто двигаюсь прочь от этой оси – и в то же время остаюсь на ней. Потому что там, дальше, еще одна такая же ось. И еще. И еще. И до бесконечности.

Я уже не смогу вернуться в свое время, даже если захочу.

Время для меня остановилось.

Навсегда.

Раньше мне до черта не хватало жаркого, полуденного солнца. И темных, звездных ночей. И колючего снега. И опадающих листьев. В жизни не думал, что мне не будет хватать всего этого, что я, оказывается, люблю еще что-то кроме августовских вечеров. Потому что я выбрал вечер, августовский вечер – чтобы остаться в нем. Какое-то время мне его и правда хватало, первые три года. Потом стало до черта недоставать зимнего морозного утра, чтобы поваляться в постели целую вечность, и никуда не идти, и жаркого полудня, чтобы сесть на велосипед, и гнать в бесконечность, и первых листьев после долгой зимы. Может, я бы привык, что у меня нет всего этого, – лет через десять – только вовремя догадался, что можно перебираться к востоку, где солнце уже село – чтобы увидеть ночь – или к западу, где солнце светит во всю мочь – чтобы увидеть жаркий полдень. И можно пойти на север, только это надо дольше идти – чтобы встретиться с осенью, с желтеющими листьями, и совсем-совсем на север, где зима.

Все живут вперед.

А я живу вправо.

Ну, или влево.

Или еще в какую-то сторону.

Раньше еще надеялся вернуться во время. Думал, что выйду на неделю, ну, на месяц, ну, на год, ну, на де... ..нет, когда понял, что остался там на десятилетия, уже не думал,

что вернусь, уже как-то все само собой стало понятно, что никакого вернусь уже не будет.

Это здорово. Что скрывать, это действительно здорово, когда не надо ничего делать, можно спать до обеда, и учиться не надо (я еще в школе доучивался, когда решил уйти от потока времени), и работать не надо будет никогда-никогда, и можно пойти, куда хочешь, и брать с прилавков все, что понравится. Пару раз бывал в Европе, думал, это бесконечно далеко, потом оказалось, всего несколько дней пути. Уже который год подумываю, как бы научиться управлять самолетом, уже который год понимаю, что ни за что не решусь не то, что лететь над океаном, а даже просто подняться в небо.

Я уезжаю к далеким городам.

Потом я возвращаюсь домой.

Я всегда возвращаюсь домой.

Сейчас я совсем старый – вроде бы, мне восемьдесят, а может, еще больше, я потерял счет времени. Пора возвращаться домой уже совсем – сюда я принесу кое-какие свои записи, кое-какие зарисовки, а больше от меня, получается, ничего и не осталось, только сейчас понимаю, жизнь как-то странно прошла... чувство такое, что все должно было быть не так, и сейчас это я не про то, что жить надо было вперед, а не вправо, а... вообще как-то неправильно. Не знаю, как.

Правда, не знаю, как.

Чего-то не хватает. Вот сейчас я дома, дома все по-старо-

му, и Найда сидит у порога, и я не могу понять, не хватало мне Найды, или наоборот. Вот с одной стороны, когда я пошел вправо, Найда больше не бегаёт за мной, не лаёт, сидит неподвижно, смотрит туда, где я был за секунду до того, как ушел вправо. А с другой стороны, вот мне сейчас восемьдесят или больше, и я понимаю, что если бы шел вперед, никакой Найды со мной бы уже давным-давно не было, и даже воспоминания о Найде бы уже не было. А так она здесь, она рядом, и я глажу её по голове, и родители тоже рядом, ужинают на веранде, мне тоже не пришлось их терять, и бабушку терять не пришлось. Они все застыли для меня в этом вечере, в этой секунде, как на фотографии.

Думаю, что будет со мной, когда я умру. Наверное, мое тело так и будет двигаться вправо – до бесконечности.

Тогда меня никто не найдет.

Больше никогда.

Я не увижу, как они спохватятся, что меня нет, как они будут меня искать, и не найдут, я уже не увижу всего этого. Наверное, это эгоистично с моей стороны, да не наверное, а так оно и есть. Впрочем, я уже свой выбор сделал, обратно ничего не вернешь...

...дайте им возможность отойти от оси времени. Дайте эту возможность ненавязчиво, осторожно, как бы невзначай, хотите – пользуйтесь. Дальше вам остается только терпеливо выждать. Люди начнут уходить в сторону, – от бесконечных

повседневных проблем, отдохнуть – на день, на два, на неделю. Не забывайте, что это затягивает – крепко, властно, чем дальше, тем неотвратимее, пока человек не останется там навсегда.

Не торопитесь.

Самое главное, не торопитесь.

Подождите, когда люди уйдут все – уверяем вас, это не так уж и долго, каких-то лет пять максимум, а то и меньше – мир меняется гораздо быстрее, чем кажется на первый взгляд. Дождитесь, когда останутся единицы. Не бойтесь, если они останутся насовсем – эти отдельные личности, до конца преданные своему миру, вам ничем не помешают. Все их попытки вернуть кого-то со стороны в русло времени будут смешными и жалкими.

Можете входить в мир – уже даже не как победители, а как жильцы. И еще один совет, так, на всякий случай: если вы обнаружите что-то, что оставили вам люди, когда-то жившие здесь – лучше проявите уважение и сохраните то, что вам оставили. Это последнее, что останется от предыдущих хозяев мира...

Инструкция к жизни

– ...да что такое? Да что за ребенок, да что тебе надо-то вообще?

Я сам не знаю, да что мне надо-то вообще, и от этого невыносимо, и от этого – ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы! – и вроде получилось, и сложил этот конструктор, как надо было, и все равно – ы-ы – ы-ы-ы! – потому что не то, не то, надо сделать что-то такое, чтобы на века, чтобы весь мир перевернуть, чтобы без меня... вообще все не знали, что бы они без меня делали, все, они все...

...Сначала нужно родиться в далеком будущем – в период максимального расцвета цивилизации, чтобы понять, к чему следует стремиться, ради чего вообще будет все это. Родиться там, чтобы не отпугнуть самого себя от мира, от жизни, от потока времени, от бешеного водоворота событий. Осмотреться. Попытаться что-то понять – хотя бы попытаться, потому что понимания не придет.

Второй раз нужно родиться в каком-нибудь нейтральном времени – не слишком плохом, не слишком хорошем. Дело здесь не во времени, как таковом, дело в вас самих – вы должны разобраться в себе, понять, кто вы, что вы такое, что вы хотите, что вы можете, зачем вы пришли сюда...

...нужно что-то сделать.

Здесь.

Сейчас.

Вспомнить бы еще, что именно я должен сделать, и как можно быстрее, немедленно, пока молния ударила в дерево, пока горят ветви, пока слышен этот треск пламени, понять бы еще, что именно я должен сделать...

...нет...

...не понимаю...

...не помню...

Поднимаю голову, кричу во весь голос, в отчаянии, что я вот здесь, вот сейчас, а зачем, зачем, зачем...

...Потом вам лучше родиться ближе к началу времен – нет, не совсем в начале, где даже не знают, что такое огонь, а в таком начале, где дорога хлюпает под копытами усталого коня, и тусклый огонек одинокой таверны зовет на ночлег. Здесь можно потихоньку готовить свое будущее – оставлять себе манускрипты, если получится – книги, но это вряд ли, на книги особенно не рассчитывайте. Имейте в виду, что вам придется прожить несколько жизней и оставить после себя немало записей – только так у вас есть шансы, что хоть какой-то обрывок рукописи попадет вам в руки через много веков, – мимолетный отголосок прошлого...

...все не так, все не так, все не то, на хрена я писал это

самому себе когда-то бесконечно давно, зачем я обманул самого себя, тогда я еще не знал, что я себя обманываю, я знаю только сейчас – когда уже слишком поздно, когда попался в собственную ловушку...

...После этого, наконец, можете выбрать эпоху, в которой у вас получится развернуться на полную катушку, – по крайней мере, вам так будет казаться, что это и есть ваш триумф, ваш звездный час, уж теперь-то вы сделаете что-то такое, что увековечит вас в истории, навсегда вплетет ваше имя и вашу судьбу в поток времен. Конечно, после такого успеха – пусть даже мнимого – вам не терпится пожинать плоды своего труда...

...это пустое время, говорю я себе. Бывает такое – пустое время, когда еще в ранней юности понимаешь, что на этот раз пришел зря, на этот раз не будет в жизни ничего такого особенного, что сейчас можно расслабиться, просто плыть по течению, в никуда...

...Увы, в будущем вас ждет разочарование – в лучшем случае от того, что про вас забыли, а в худшем – от того, что вас поминают недобрым словом, что своими изысканиями вы натворили немало бед в будущем.

Не пытайтесь ничего исправить. Это важно – даже не пытайтесь ничего исправить, сейчас, не обладая достаточным

опытом, вы сделаете только хуже, пока, в конце концов, не запутаетесь в собственной судьбе. Двигайтесь вперед – только так вы сможете познать законы, по которым работает время, каждый узнает это на собственном опыте. Мы можем дать только общий совет: если вы чувствуете в себе силы что-то изменить, направляйтесь в прошлое, если чувствуете, что ваши душевные силы на исходе – идите в будущее, не для того, чтобы что-то делать, а просто чтобы там быть. Но не злоупотребляйте завтрашним днем, не забывайте, что ваше время не вечно...

Я успею, говорю я себе.

Я успею.

У меня получится.

Здесь.

Сейчас.

Бесконечное пространство космоса подчинится мне, покорно свернется в спираль, позволяя коснуться самых отдаленных уголков.

Бережно касаюсь экрана – пространство расступается перед шаром, открывает мне неведомые миры, – для меня одного – потому что это финал, финал человечества, потому что больше никого не осталось...

...Лучше не рождайтесь в самом начале времен, даже если вы твердо уверены, что иначе не сможете изменить мир

так, как вам хотелось бы. Помните, туда идут только самые смелые, самые уверенные в том, что они делают.

Под конец жизней – а вы хорошо почувствуете его приближение, – настоятельно рекомендуем вам обустроиться в конце времен, прожить хотя бы одну жизнь там, где кончается человеческая цивилизация – время, когда уже ничего нельзя изменить, когда все ошибки сделаны, когда все страсти откипели и отгорели, когда можно просто отдохнуть – предоставить жизни идти своим чередом.

И не огорчайтесь, если за все свои жизни у вас не получится сделать то, что вы запланировали: еще ни у кого не получалось...

Как узнать город

...проще всего будет определить по какому-то несоответствию, которое сразу бросается в глаза: например, если вы увидите Лондон в красных и синих тонах, то вас, скорее всего, обманывают – на самом деле в колорите этого города преобладают зеленые и коричневые цвета. Если вы находитесь в Индии, постарайтесь разыскать реку Ганг: если вода в реке будет кристально чистой и свежей, то вас обманули: в настоящей реке вода мутная, и в ней плавают разбухшие трупы.

Если вы оказались в каком-то городе, и увидели популярную достопримечательность – не спешите заносить этот город в разряд нереальных, фальшивых. Некоторые определяют подлинность города по толпам туристов – якобы, в настоящих городах туристов полным-полно, а в ненастоящих их нет. На самом деле – ничего подобного, фальшивые города точно так же полны туристов, иногда даже их больше, чем в обычном городе. Чтобы проверить наверняка, присмотритесь к прохожим, загляните в их лица, поговорите с ними, задайте пару каких-нибудь непривычных вопросов, именно непривычных – потому что города-обманки легко узнают вопрос на уровне как пройти туда-то и туда-то. Не бойтесь спросить – какая сегодня фаза луны? – или – вы видели сегодня звезды? – или – как вы думаете, если бы я превратился в сову, то какой бы совой я стал? Поймите, людям не все

равно, где они находятся – и они с радостью помогут вам.

Постарайтесь выбраться в районы, про которые ничего не сказано в туристических путеводителях: в настоящем городе вы обязательно найдете уютные спальные районы, в фальшивом же мире в лучшем случае натолкнетесь на мрачные гетто.

Обратите внимание на еще один момент – куда бы вы ни пошли в фальшивом городе, вы обязательно будете видеть какую-нибудь башню, которая является символом этого города – Эйфелеву башню, Елизаветинскую башню, а иногда в фальшивом Риме можно встретить даже Пизанскую башню.

...когда вы поймете, что оказались в фальшивом городе, вы должны немедленно...

Лошадь верхом на Луне

– ...вы... вы хоть понимаете, что вы сделали? – спрашивает мой враг.

Я понимаю, я прекрасно понимаю, что я сделал, я сам на себя смотрю с таким восхищением, что даже не сразу замечаю, с какой ненавистью на меня смотрит враг. Нет, это не привычная его ненависть, это что-то другое, я такой взгляд видел у отца, когда имел несчастье сделать что-то совсем уж чудовищное...

Говорю. Как можно спокойнее.

– У меня... у меня получилось...

– Да я вижу, что у тебя получилось. Так получилось, что дальше некуда...

– Завидуешь?

– Было бы чему завидовать... Сочувствовать надо... Ты хоть сам понимаешь, что ты натворил?

– Я сделал это... сделал... Я написал историю про нас, без сучка, без задоринки, без малейшей мимолетной ошибки, без...

– Вот именно! Вот то-то и оно! – мой враг срывается на крик.

– А что такое?

– А то такое... ты... ты хоть понимаешь вообще... почему каждая история про нас была с каким-нибудь подвохом,

почему читатель в гневе отбрасывал книжку, когда ты терпел неудачу, и кричал – да черт побери, он же летал до этого на луне, почему он не мог сбежать из башни в полнолуние! И читатель садится за книгу, и пишет новую историю, где вы сбежите из башни верхом на луне, – но в эту книгу тоже обязательно вкрадется ошибка, и снова какой-нибудь читатель в отчаянии отбросит новую книгу с криком – да почему же он не смог добраться до города, если умел превращаться в лошадь! И очередной читатель в отчаянии пишет новую историю... А вы... что вы сделали? Вы сочинили историю без сучка, без задоринки, вы сотворили идеальный мир, к которому ничего ни убавить, ни прибавить!

Молчу. Я безмерно горд своей работой.

– У вас только один выход... только один вариант... напутать что-нибудь... да что угодно... чтобы...

...не собираюсь.

– Простите?

– Даже не собираюсь... наконец-то я сделал это...

– Что... что сделали? – враг смотрит на меня, до сих пор не понимает.

...уничтожил историю...

Враг не успевает ничего сказать, кажется, даже не успевает до конца понять, что враг в этой эпопее был не он, а я – созданный уничтожить историю...

Ньюс

ГДЕ ТЫ?
ДОСТАВЛЕНО.
ТЫ ГДЕ?
ДОСТАВЛЕНО.

Выжимаю скорость на максимум.

Это неудобно – выжимать скорость на максимум, и при этом выговаривать Ньюсу, а приходится, вот здесь, вот сейчас выговаривать Ньюсу, ккого черта, в самом-то деле...

– ...какого черта в самом-то деле?

– ...черта... – Ньюс задумывается – Аббадон... Абегор...

Адрамалех... Алигарепт...

Мысленно хлопаю себя по лбу.

– Да не-ет... Ты что пишешь-то вообще?

– Новости...

– Но-овости он пишет...

ТЫ ГДЕ?
ДОСТАВЛЕНО.
ТЫ ДОМА?
ДОСТАВЛЕНО.

Выворачиваю руль в пелену дождя, машина скользит

юзом, юзом, хочет прыгнуть с трассы, удерживается – каким-то неведомым образом, каким-то чудом.

Скорее, говорю я себе.

Скорее.

Во весь опор.

– Пишу новости, – отзывается Ньюс.

– Ты сам посмотри, что пишешь-то... Крысы дочиста сгрызли древнюю церковь, величайшее наследие прошлого... местным властям не было до неё никакого дела...

– А что не так?

– А все не так... тебе это как в голову-то пришло вообще?

– Очень просто... церковь... что-то хорошее... сакральное для людей... крысы... что-то плохое...

– ...а ничего, что церковь из натурального камня?

– Я знаю...

– ...ничего, что крысы камень...

– ...грызут.

– Ну, знаете, люди таких вещей не знают... и в жизни не поверят...

– Поверили.

Меня передергивает, ослышался я, что ли...

– ...что?

– ...поверили.

– Что, хотите сказать, люди в бешенстве?

– ...в бешенстве. Губернатора сняли, как вы и хотели...

Сказали, не бережет регион...

Меня снова коробит, снова выворачиваю руль, хочу выжать скорость на полную, ах да, уже выжал на полную, полнее некуда. Набираю номер – гудки, гудки, какого черта не отвечаешь, ну же, ну...

Молчит.

Мне становится страшно.

Только сейчас начинаю понимать, что там, на другом конце провода уже может быть некому ответить...

От нечего делать продолжаю выговаривать Ньюсу, по-хорошему, вообще выключить этого Ньюса, только я сам себе обещал, не выключать, хоть что твориться будет, не выключать, иначе вся работа к черту, выключить Ньюса – расписаться в собственной несостоятельности...

– Да вы дальше, дальше-то посмотрите, что пишете-то... из-за неосторожного обращения с огнем приезжие рабочие с юга подожгли озеро, бесценный памятник природы... с каких это пор озеро можно поджечь, а?

– Ну... – Ньюс, кажется, задумывается, – озеро – что-то хорошее, памятник природы – что-то хорошее, подожгли – плохо...

– ... да не горит озеро, не горит, как вы не понимаете?

– Не горит. Понимаю.

– Ну, вот то-то же... – спрашиваю, сам не знаю, зачем, – люди, надеюсь, не заметили статью вашу, на смех не подняли?

– ...волнения в регионе, массовые стычки с приезжими...

– Да что вы несете вообще, озеро-то целехонькое!

– ...не было никакого озера...

Начинаю понимать, что я не понимаю людей. От слова совсем. И что вот этот вот, написанный неумелыми алгоритмами, понимает больше, чем я...

Снова набираю номер.

Жду.

Ну, только попробуй не ответить...

...не отвечает.

Жанна... или Ольга... от волнения даже не могу вспомнить имя, иногда кажется, что Жанна, иногда, что Ольга, иногда – что ни так, ни так, а ведь зовут её как-то, зовут же, вот так вот когда много лет вместе, уже и имена стираются, даже в телефоне просто – «моя», за столько лет уже достаточно – «моя»...

Гнать.

Гнать через ночь.

Может, успеть, а может, уже и нет...

– Дальше смотрите...

...тишина...

– ...вы меня слышите?

– Слышу.

– Ну, вы, блин, хоть отвечайте, что ли, да, слушаю вас...

– ...хорошо.

– Хорошо, блин... А это что? Богатые туристы на отдыхе вытоптали столетний лес!

– Да.

– Что да, что да, вы хоть представляете себе, что такое столетний лес?

– Что-то древнее, прекрасное... А богатые в представлении людей это плохое что-то...

– ...да вы хоть высоту деревьев себе представляете? Вы хоть понимаете, что нереально это, столетний лес вытоптать?

– Теперь понимаю. Нереально.

– Теперь... о-о-х, вы только не говорите мне, что народ поверил...

– ...поверил.

– Что, хотите сказать, народ в бешенстве богатые дачи громит?

– Да.

Чуть не давлюсь собственным голосом. Чертов Ньюс, чертов Ньюс, а ведь сколько раз я уже хотел тебя перековеркать, переиначить, и черта с два, ведь работаешь ты, работаешь...

Снова жму на номер.

Снова гудки.

...свет фар...

...выворачиваю руль, сам не понимаю, как не сталкиваюсь...

Скорее.

Скорее.

«Моя»

...и одно слово в сообщении – скорее.

– Вот что... – говорю с Ньюсом, просто так, пытаюсь успокоиться, – надо бы это, переполох какой в столице...

– ...будет сделано.

– Ты осторожнее это... забанят...

– Забанят.

По его тону понимаю, что ему все равно, забанят и забанят, ему не привыкать, чтобы банили, он возрождается снова, как феникс из пепла...

...направо.

Навигатор показывает – направо, выворачиваю руль – там дом, там моя, до сих пор не могу вспомнить, как её зовут, Ольга, или Анна, или... волосы светлые... или рыжие... нет, не помню, вот только в контактах – моя, и – скорее...

...машина вырывается в пустоту над пропастью, тело становится легким, невесомым, выворачиваю руль куда-то в никуда, уже понимаю, что это не сработает. Память приходит сама, наваливается тяжелым пластом, не было никакой моей, и дома там не было, с чего я вообще кинулся на этот контакт, на это сообщение, – ниоткуда, ни от кого, что на меня вообще нашло...

Глухой удар.

Жду боли, боли нет, это даже странно, что бо... ..накатывается, наваливается со всех сторон, жгучая, нестерпимая, обжигающая...

Пытаюсь дотянуться до телефона, почему я не чувствую рук, почему их как будто нет, почему, почему, почему...

– Ньюс...

Зову, уже знаю, не ответит, говорю в пустоту:

– Ноль-три... вызови... – слова выхаркиваются кровавыми брызгами.

...тишина.

Я жду чего-то, сам не знаю, чего. Надеюсь на что-то, ну, пожалуйста, ну пусть он скажет кому-нибудь там, там – задание выполнено, объект (или как он там меня назовет) ликвидирован, жду дальнейших указа...

...нет.

Ничего.

Тишина.

Еще пытаюсь найти в себе силы спросить, – какого черта он задумал – понимаю, что уже не смогу...

...что я больше не увижу...

...Луна, которая упала с неба на городскую площадь, разбилась на тысячи осколков, лежала вот таким расколотым циферблатом, и в каждом осколке вертелись стрелки часов, показывали одно и то же время. Если наклониться, можно было увидеть себя – но не настоящего себя, а себя в прошлом или в будущем, поэтому туда никто не заглядывал...

...башня, в которую попал снаряд, и она лежала на проспекте, раненая, истекающая кровью, никого не подпускала к себе. Мы долго не знали, что делать с башней, – помочь ей мы не могли, а озверевшая от боли башня могла растерзать немало наших солдат. У нас больше не было снарядов, мы пытались расстрелять башню из автоматов, но это только больше раззадоривало её. Стыдно сказать, тогда я меньше всего думал про башню, как про величайший памятник архитектуры, как про невероятную красоту – мне хотелось уничтожить её как можно быстрее, пока она не уничтожила нас. Башня умерла только через сутки, унеся с собой немало наших...

...часы со всего города, которые спрятались в заброшенной часовне, атаковали каждого, кто осмеливался приблизиться. Мы и не приближались к часовне, она была нам

не нужна, кто-то предлагал взорвать её, но я отговорил тратить взрывчатку....

...высохший фонтан, в котором ночью появилась вода – по крайней мере, нам так показалось, когда мы, измученные жаждой, приблизились к фонтану, – но то, что мы приняли за воду, в которой отражались звезды, было ночным небом, наполнившим пустоту – двое из нас упали туда, исчезли в бесконечности....

...окаменевшие люди, люди, обратившие себя в статуи – чтобы их не убили вражеские солдаты. Когда мы разбивали статуи, из них текла кровь...

...теперь можно наконец-то вспомнить все это – теперь, когда больше ничего не осталось, когда больше не надо никуда спешить, когда уже отспешили, отвоевали, отумирали, отразрушали, отубивали, – теперь можно оглядеться, спохватиться, вспомнить, что это было, чего я не увижу больше никогда...

Свидание с городом

...город будет заманивать, зачаровывать, соблазнять – и путнику надо быть к этому готовым. Сначала ему покажут только крепостные стены города, да и то издалека – стены прочные и неприступные. Покажут, чтобы путник поверил, что город и правда существует, что это не легенда, не миф, не слух, не случайная байка, пущенная в безвестном трактире у камина, когда осенний ветер и осенний ветер на улице вступают в свои права. Нет, сначала, конечно, будут легенды, мифы, дивные истории о дивном городе, – в которые трудно поверить, а не поверить еще труднее. Потом однажды человек скажет себе – пора – очень важно, чтобы он сказал себе это сам. И отправился в путь – в никуда, потому что никто наверняка не сможет сказать, где город. Любопытство странника будут подогревать легендами, байками, обрывками разговоров – он еще должен поплутать и несколько раз в отчаянии сказать себе, что никакого города нет, а то и попасть в беду – прежде чем ему покажут крепостные стены города далеко на горизонте.

Город будет соблазнять человека, город долго не подпустит странника дальше, город даст ему время в красках представить себе, что там, за стеной, город будет подогревать его фантазии, город позволит человеку снова и снова рисовать, как, по его мнению, может выглядеть город, если верить ле-

гендам и снам.

Только потом человеку будет позволено подняться на холм, откуда видны самые высокие шпили города – здесь неизбежна смесь разочарования и восторга – восторга от увиденного и разочарования, что все оказалось совсем не таким, как было в фантазиях и снах, ведь и фантазии, и сны всегда врут.

Дальше человеку снова позволят домысливать. Сколько будет длиться это домысливание – несколько дней или несколько месяцев, или даже несколько лет – здесь-то как раз и проверяются намерения человека, готов ли он до конца идти за своей мечтой, или отступит в отчаянии. Если видно, что путник выдерживает испытание, ему могут подкинуть пару-тройку книг про город – правда, никто не обещает, что они правдивые – или дать побеседовать с человеком, который, якобы, живет в городе, – но тоже никто не знает, правда это или нет.

Город будет заманивать – как бы невзначай покажет кусочек улицы за крепостной стеной, когда человек будет ехать по скоростной трассе – и очень важно не упустить этот невзначай. И не только не упустить – но и использовать шанс по полной, включить все свое воображение, рассказать о том, что увидел, домечтать, домыслить, увековечить на полотне – и в звенящей мелодии, за право сыграть которую будут сражаться скрипка и фортепьяно.

Чем дальше, тем больше будет показывать себя город –

например, позволит пролететь над собой в самолете или увидеть себя проездом в поезде из окна, а может, даже разрешит сделать остановку на вокзале и купить в придорожном киоске какой-нибудь сувенир. Очень важно – что все это будет случайно, незапланированно, человек ни за что не сможет предугадать, когда в следующий раз он встретится с городом.

Будет и такая ночь, когда смертельно уставший путник волей судьбы окажется на целую ночь в ожидании какого-нибудь рейса куда-то там – и ему скажут, что можно пойти в отель, выспаться, и путник так и сделает – но в последний момент ненароком узнает, что совсем рядом находится город – и поспешит туда, несмотря на усталость, и даже не спохватится, что в этих краях не может быть города, он же совсем в... в... и тут-то человек спохватится, что даже не знает, где город. И поспешит в ночь, чтобы, окончательно заблудившись, наткнуться на какой-то город – то ли тот самый, то ли совсем другой, будет бродить до рассвета по ночным улицам, вглядываться в мерцание фонарей, вслушиваться в обрывки голосов и бесконечно далекую мелодию где-то там, там. Человек так и не узнает до конца своей жизни, была ли эта безумная ночь прожита в городе его мечты, или то был какой-то совсем другой город, или вообще не было никакого города, а только тревожный безумный сон.

Человек до последнего будет ждать чего-то обыденного – что однажды к нему придут люди и скажут – пойдемте, мы покажем вам город. И они выйдут из дома, сядут в маши-

ну, поедут куда-то по бесконечной дороге, – а потом останутся перед городом, и выйдут стражники, и будут что-нибудь проверять, хотя, что тут вообще можно проверить, и так уже все понятно, вернее, ничего не понятно, а потом откроют ворота, покажут главную улицу, да и то не всю – каждый день путнику будут открывать все больше переулков, улиц, площадей, башню за башней, лестницу за лестницей, витраж за витражом.

На самом деле все будет так, и в то же время не так – человек все время будет жить в ожидании вожаемой встречи с городом, настоящей встречи – но каждый раз он будет чувствовать себя очарованным и в то же время обманутым, что ему показали лишь кусочек, лишь обрывок, и недопоказали что-то очень важное, самое сокровенное, что есть в городе.

Это чувство не оставит человека даже тогда, когда он спохватится, что уже давно живет в городе, и даже не снимает комнату на каком-то там этаже, а каким-то неведомым образом оказался хозяином целой квартиры в два этажа со спальней на чердаке, откуда видно какую-то самую древнюю часть города, где по ночам летают легенды. Так вот, даже тогда – когда человек поймет, что ему не надо возвращаться домой, что нет никакого дома кроме города – его не оставит чувство, что ему так и не показали что-то самое главное, то, ради чего стоило стремиться к городу все эти годы.

Здесь очень важно быть осторожным и последовательным: если поторопиться, если проникнуть в какой-нибудь

закоулок, увидеть то, что еще не позволили увидеть – можно потерять город раз и навсегда. Город не любит нетерпеливых, город не любит тех, кто пройдет по улице – и улица не найдет в душе ни малейшего отклика, город не терпит тех, кто не созерцает его подолгу, перековывая свои впечатления в легенды, мелодии или удивительные живописные полотна.

Но даже если человек сделает все правильно, и город благосклонно примет его – гостя так и не покинет неистребимое чувство, что он все-таки так и остался гостем, не более чем гостем, одним из бесконечной череды гостей, которые были и будут после него, – о, этот горький укол ревности – будут после него – и город, раскрывая день за днем самые сокровенные свои закоулки и тайны, так и не показал самого главного, самого удивительного, того, ради чего стоило терпеливо вожделеть город так долго. И даже когда человек станет еще одним призраком в бесконечной чередке духов города, станет частью города, неотъемлемой его частью – его так и не покинет неодолимое чувство, что это все – только бутафория, наваждение, иллюзия, призванные скрыть от человека что-то самое важное, самое драгоценное, что город, возможно, скрывает даже от самого себя...

Недопустимые

Это просто, говорю я себе.

Ну, очень просто.

Ну, куда проще, чем кажется.

Что вообще может быть проще.

Их же всего три.

Не десять, не сто, не миллион, не десять в степени какой-нибудь там – всего три.

То, что нельзя.

И тогда все будет хорошо.

Город украшен тыквенными фонарями.

Потому что Самайн.

Светятся свечки в черепах вдоль улиц.

Тоже потому, что Самайн.

Надеваю череп вместо головы – это не запрещено.

Зажигаю фонарь внутри черепа.

Это тоже можно.

Друзья зовут меня ходить по улицам, просить сладости или гадости.

И это тоже не запрещается.

Все просто.

Очень просто.

Не отвечать тем, кто не может ничего сказать.

Не искать то, чего нет.

Не делить что-то – никому.

Смеюсь над собой.

Над тем, кто оставил мне эти запреты.

Распахивается очередная дверь, кто-то передает нам тыквенный пирог.

Это тоже не запрещено.

Устраиваемся в чьем-то доме у очага, кого-то из наших просят разделить пирог на семерых, кто-то из наших вздрагивает, бледнеет, нет, нет, не надо, пожа-а-алуйста...

– А что такое?

– Мне... мне нельзя...

Догадываюсь:

– Гейс?

– Гейс.

– Нельзя резать пироги?

– Нельзя... на семь...

Делю триста шестьдесят на семь, прикидываю, понимаю, получится не целое число, а с нецелыми числами могут быть...

...если отправлен запрос к несуществующему источнику информации...

...проблемы, и немаленькие. Режу сам – на пятьдесят один с половиной градусов, тот, кому нельзя делить на семь, смотрит на меня с легкой завистью. Хочу сказать что-то в утешение, что у каждого свои заморочки и запреты – тут же спохватываюсь, мне-то хорошо говорить, мне-то все можно...

Делю.

Семь минус один – шесть.

Шесть минус один – пять.

Пять минус один – четыре.

Четыре минус один – три.

Три минус один – два.

Два минус один – один.

Один минус один – ноль.

Все.

– А вам чего нельзя?

Начинаем спрашивать друг друга, у кого какие гейсы, ну а о чем еще говорить в ночь Самайна, когда открываются врата между мирами...

– А мне тоже бесконечные дробы нельзя, – вспоминает кто-то.

Это что, у меня знакомая одна вообще делить не могла, нельзя ей было...

Настораживаюсь.

Надеюсь, что до меня очередь не дойдет, вот это главное, чтобы до меня очередь не дошла, еще не хватало стать все-

общим посмешищем, а ведь будут хохотать, мало не покажется...

Тихонько отдаляюсь от теплой компании, тихонько стусываюсь, – впрочем, мои друзья и так уже разбиваются на группки, сначала отделяется...

...если задан поиск информации, не указанной в базе данных...

...парочка явно заинтересованных друг другом, оставшиеся трое смотрят какие-то видео, я от нечего делать начинаю перебирать посты, сообщения, картинки с Самайном, пять-тыквоков-отчаянных-залезли-на-бревно...

#_нужна_помощь.

Читаю – от нечего делать, сам себе удивляюсь, что в праздничную ночь кому-то нужна помощь, ну а как я хотел, можно подумать, праздники отменяют все беды и несчастья...

Люди, помогите, кто может, мы совсем одни остались, есть нечего, есть еще живые люди вообще?

Меня почему-то коробит это устаревшее – люди, впрочем, кто как хочет, тот так и говорит...

Хочу спросить, где они находятся. Вовремя натыкаюсь на адрес, прикидываю, какой-то дом на окраине соседнего городишки подозрительно недалеко от меня.

Хочу спросить, нужен ли им тыквенный пирог. Опять же вовремя натыкаюсь на фразу, возьмем все.

Оглядываюсь. Подхватываю еще один тыквенный пирог, целехонький, прячу, незаметно выскользываю за дверь.

Это не запрещено, говорю я себе.

Не запрещено взять пирог в изобилии сладостей и выскользнуть за дверь.

Настораживаюсь, – когда приходится выйти за ворота праздничного города, углубиться в темноту шоссе. Вспоминаю какие-то легенды, рассказы, что человек, который вышел за ворота, останется по ту сторону времени и пространства и не перейдет в следующий год. Отмахиваюсь от легенд, они разлетаются, обиженно хлопая крыльями, спешу в сгущающиеся сумерки. Здесь моего фонаря в черепе почти не хватает, выкручиваю свет на полную мощность, уже жалею, что не взял фонарик посильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.